

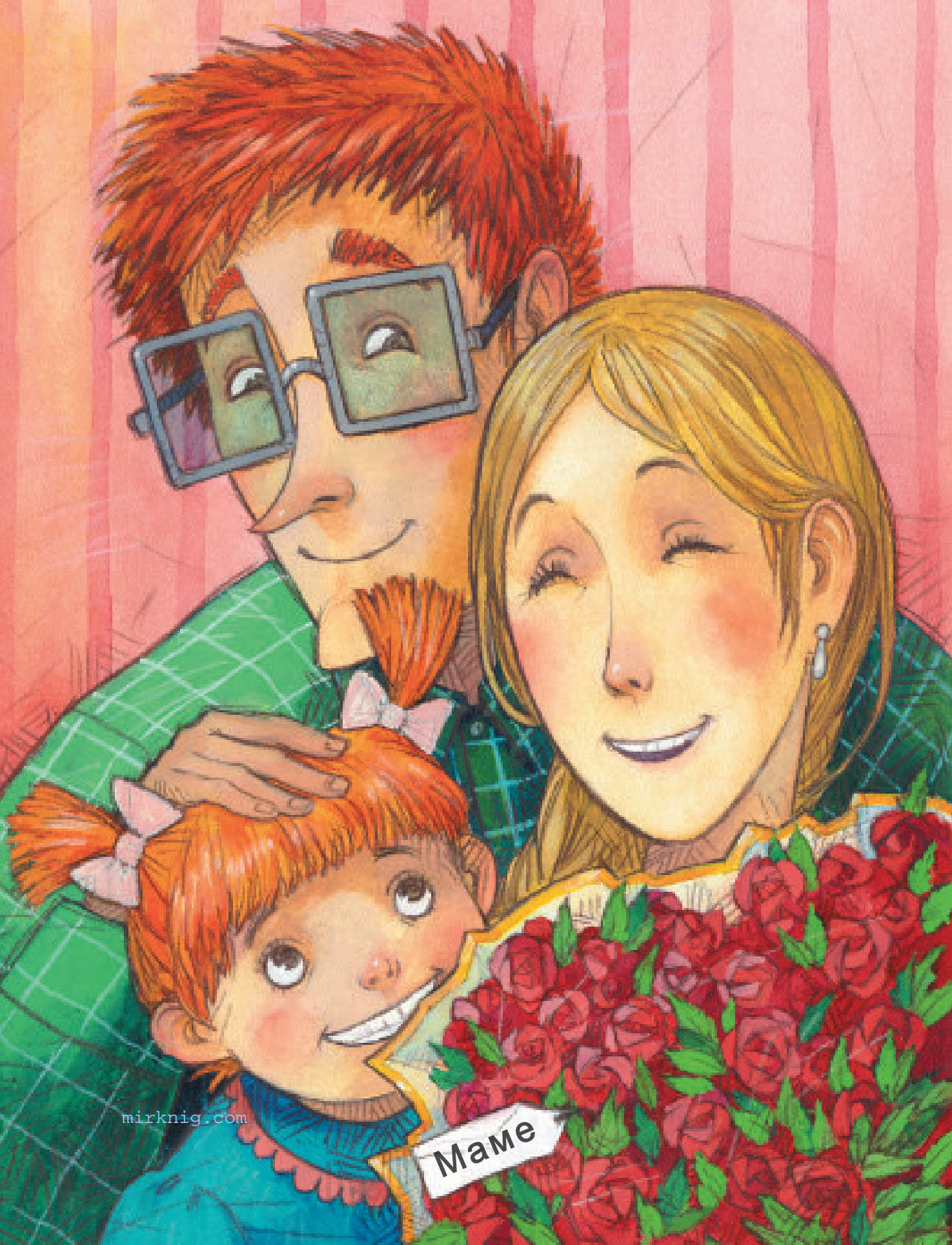
ДЛЯ САМЫХ
МАЛЕНЬКИХ

Татьяна Лебедева

МАМИН ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Галина Лебедева

МАМИН ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Стихи и рассказы

Художник
Анна Павлеева

Москва
«Махаон»
2012

ЧТО У КАТИ?!

Что у Кати на кровати?!
Кукла,
Прыгалки,
Халатик,
Книжка,
Чашка,
Бутерброд!
Кто всё это уберёт?
Тот,
Кто раньше всех встаёт,
Кто
Стирает,
Моет,
Шьёт,
Кто на фабрику потом
Мчится
Чуть ли не бегом,
Кто под вечер
С полной сумкой
Еле-еле входит в дом.
Ну, конечно,
Это мама
Никогда не устаёт.
Ну, конечно,
Это мама
Всё за Катей
Уберёт.

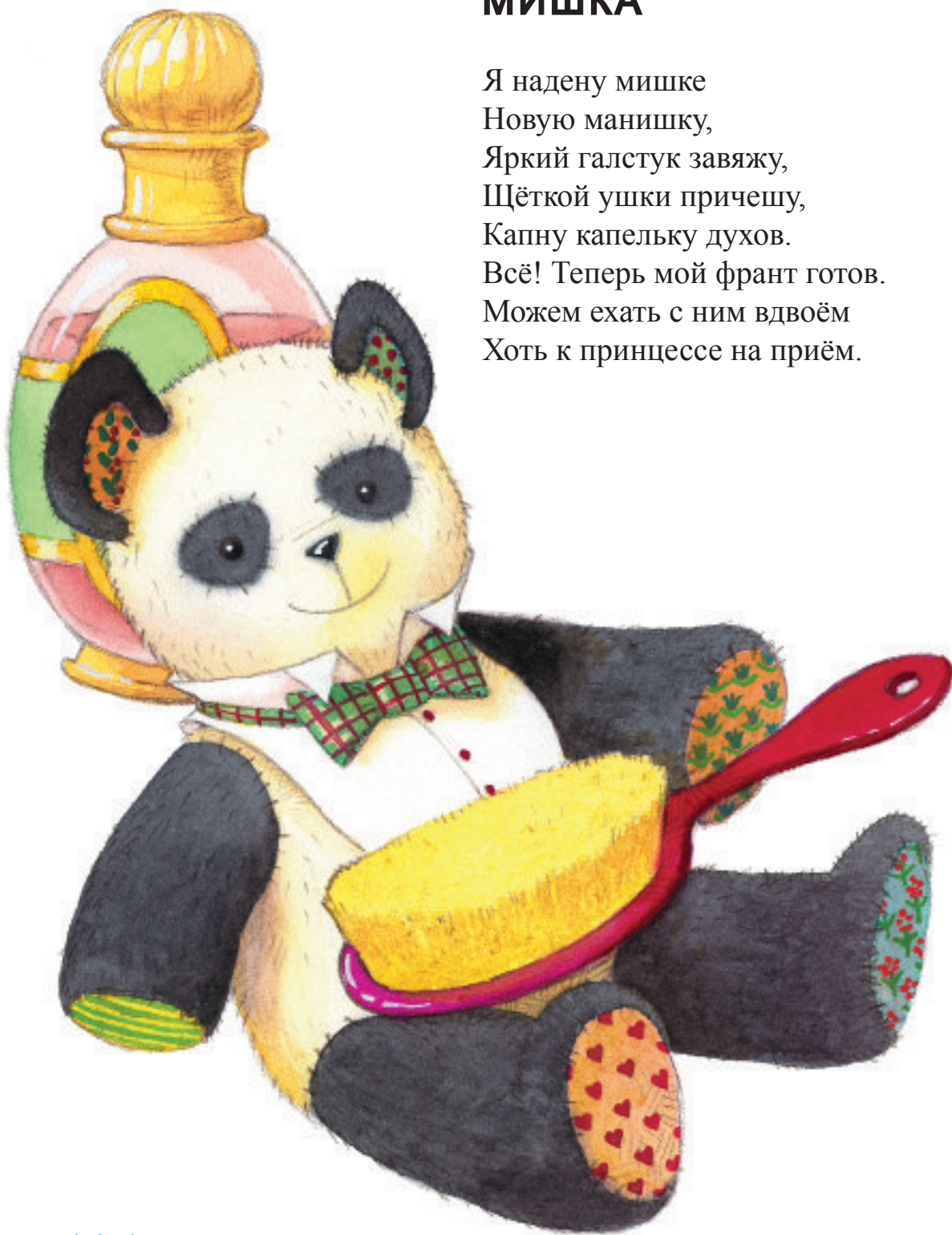

8 МАРТА

– Папа, глянь на календарь:
Март уже, а не февраль.
А всё снег да гололёд.
Ну когда ж весна придёт?
Ну когда ж весна придёт,
Мамин праздник настанёт! –
Папа мне сказал в ответ:
– Ну и что ж, что солнца нет,
А мы мамочку поздравим,
Чайник быстренько поставим
И пирожных всевозможных
На тарелочки положим.
Мы подарим ей цветочки,
Расцелуем в обе щёчки.
Мама рассмеётся,
И весна начнётся!

МИШКА

Я надену мишке
Новую манишку,
Яркий галстук завяжу,
Щёткой ушки причешу,
Капну капельку духов.
Всё! Теперь мой франт готов.
Можем ехать с ним вдвоём
Хоть к принцессе на приём.

МОЙ ПАПА

Мой папа чемпион!
Он всех сильнее в мире:
Он маму на руках
Носит по квартире!
А может и меня
Поднять он вместе с нею!
Вот вырасту большой
И тоже так сумею.

АРБУЗ

Я поссорила с ребятами и сидела на балконе, поглядывая из-за цветочных горшков, как они теперь там без меня развлекаются. Светка с Наташкой в обнимку ходят. Ну и хорошо, можете одни прыгать. А то, когда я прыгаю, вы нарочно скакалку поддёргиваете, чтобы я зацепилась. Вот теперь крутите как хотите, хоть к дереву прыгалки привязывайте. А вон братишки Никишкины на доске качаются. На моё окно глядят. Нечего глядеть, а то как груши делить, то себе целенькие, а мне с бочка`ми подсунули. Так... посмотрим ещё: вон Ромка с Кириллом в ножички играют. Кирилл уже у Ромки всю территорию оттяпал – на одной ножке не устоять. Ромка того и гляди заревёт. Так тебе и надо! Это тебе не со мной играть. Меня папа нож учил бросать, так я не то что в землю – в дерево с первого раза попадаю. Вот

Ромке и завидно, он и жухает — обманщик. А теперь ему самому достаётся.

Ладно. Я пока дома посижу, книжечку почитаю.

До обеда ещё можно было терпеть, а после обеда навалилась такая скучища, хоть вой. Сижу я на балконе — вниз смотрю, как ребята друг за дружкой носятся, и завидно мне — ужас. Сижу я, раскачиваюсь и вою: «Скучища-а-а-а! Скучища лютая-я-я! И никого у меня больше нет, и друзей нет. И подруг нет».

И тут папа с работы пришёл и на балкон ко мне заглянул.

— Ты чего скулишь? Гулять иди — погода хорошая.

— С кем гулять-то?

— Ясно. Со всеми перессорилась, — сразу понял папа.

Я молчала. Чего говорить-то. Теперь не вернёшь. Разругались на всю жизнь.

— Ничего, помиритесь, пустяки! — засмеялся папа. — Айда со мной за арбузом. К палатке у метро целую машину пригнали.

— Ура! Арбуз! — обрадовалась я.

Настроение сразу исправилось. И мы пошли.

— Арбуз, арбуз, арбузик! Арбуз, арбуз, арбузик! — распевала я, похлёстывая себя авоськой по коленкам. А папа смеялся и подмигивал мне: мол, порядок, сейчас купим!

Мы сели в автобус и проехали до метро прямо к арбузному базару. Арбузов было много. Они теснились в железных клетках. Просунув руку сквозь решётку, можно было похлопать их по звонким бочкам, подёргать за сморщенные хвостики. Интересно, какой из них самый красный, самый спелый?

— Все хорошие, — улыбалась маленькая старушка в панамке и в больших домашних тапочках. — Сама два съела, в третий раз прибегла. Думаю, дай соседке возьму — придёт с работы, обрадуется.

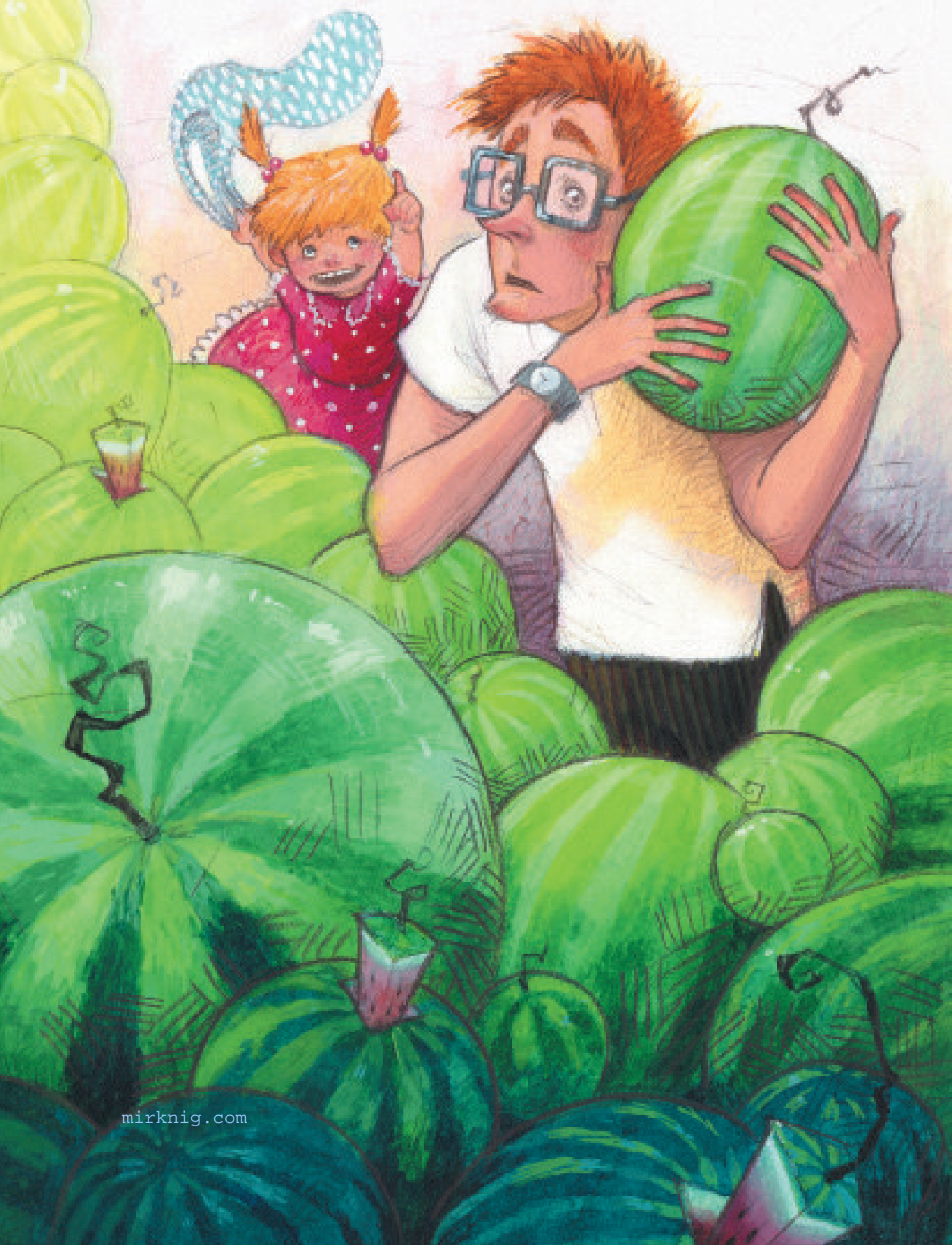

За весами стояла толстая продавщица с золотыми зубами.

— И чего копают? Чего ищут? — беззлобно ворчала она, грохая гирями. — Всё равно все одинаковые, астраханские. Вон глядите, какие красные, рассыпчатые, — кивнула она на треснувшие арбузы, сваленные в уголке.

Наконец-то подошла наша очередь, и мы с папой вошли в загородку с горой арбузов и стали присматриваться, какой взять, чтоб не ошибиться. Папа покачивал на руке уже выбранный полосатый арбуз. Как вдруг я увидела в самом углу такой огромный арбузище, что даже не поверила своим глазам. Всё, что его окружало, казалось по сравнению с ним горохом.

— Папа, — сказала я шёпотом и потащила его за рукав, — вон тот. Вон тот — видишь?!

Папа осторожно положил свой арбуз и пошёл за мной.

– Ух ты! Великан! – удивился папа и стал осторожно до него докапываться, откладывая лишние арбузы в сторонку. Арбуз оказался такой большой, что папа едва обхватил его руками. Он прижал его к груди и понёс на весы.

– Мужчина! Вы что?! Положите на место! – спокойно сказала продавщица. – Всё равно не возьмёте. Зря только взвешивать будем.

– Почему не возьмём?! – не понял папа. – Обязательно возьмём...

– Разоритесь, – засмеялась продавщица, – денег не хватит!

Папа покраснел. Может быть, от напряжения – арбуз-то тяжёлый, а может, и от обиды на продавщицу: какое ей дело, сколько у нас денег.

– Ничего. Может, и не разоримся, взвесьте, – сказал он, опуская арбуз на весы.

Продавщица улыбнулась – бывают же чудаки! – и поставила на чашку весов самые большие гири. Арбуз лежал прочно, закрывая собой продавщицу так, что из-за него виднелась только её синяя беретка.

Гирь не хватило. Пришлось занять у продавца-соседа. Наконец чаша весов с арбузом дрогнула и пошла медленно вверх. Продавщица сосчитала гири.

– Двадцать килограммов. Брать будете?

Мы с папой переглянулись. Вокруг нас смеялись, шумели.

– Во дают! Ну и откопали! Вот если окажется плохой!

– Берём! – сказал папа.

Всё! Наш! Обняв арбуз, папа бережно понёс его перед собой. Пальцы его побелели от напряжения. Я побежала рядом, не зная, как ему помочь. Прошли несколько шагов, и папа сказал, осторожно опуская арбуз на газон:

– Неудобно нести, скользкий, боюсь расколоть.

Наша авоська оказалась для такого великана мала, и папа, как африканский грузчик, поднял его и понёс на голове. Теперь арбуз видела вся улица. На нас оглядывались, прищёлкивали языками, качали головами: бывает же в природе такое чудо!

Так мы дошли до автобусной остановки. И тут на нас оглядывались, а в автобусе все даже приподнимались и вертели головами. Мы с папой стояли рядышком на задней площадке, папа держал арбуз перед собой, а я подпирала его спиной, чтобы папе держать было легче.

– Люди! Войдите в положение! – вдруг сказал военный, стоявший рядом с нами. – Уступите, пожалуйста, место мужчине с арбузом!

Все засмеялись. А один парень действительно поднялся и, улыбаясь, предложил хотя бы опустить наш арбуз на сиденье.

— Надо быть штангистом, чтобы такой вес удержать, — сказал он, и всем стало ещё веселей: все спрашивали, сколько такой стоит и где такие продаются.

Но вот наконец-то и наша остановка. Вот и наш дом. Мы с трудом вылезли, и папа снова поднял арбуз на голову. Мы шли медленно, торжественно. И пока дошли до подъезда, вокруг нас образовалась толпа, похожая на праздничную демонстрацию. С балконов свешивались удивлённые старушки: посмотреть, что случилось такое интересное. Арестовали, что ли, кого? А вокруг меня прыгали наши ребята: Толик, Ромка, Кирилл, Светка, Наташка и братишки Никишкины. Все позабыли, что мы в ссоре. Да и я позабыла давно. Какие там ссоры, когда такое творится!

— А вы его сейчас есть будете?! Вы его съедите весь или на потом оставите? — галдели ребята.

Папа ничего не отвечал. Его шея была красной от напряжения. Ему было не до разговоров: не уронить бы. И поэтому отвечать приходилось мне.

— Ну, конечно, сейчас. Ну, конечно, весь сразу! — отвечала я направо и налево.

— Зови всех! — сказал папа, поднимаясь на крыльцо.

— Все ко мне! Приглашаю! — закричала я.

У подъезда ребята топтались, но к нам идти стеснялись. Братья Никишкины подержали дверцы лифта, чтобы папа с арбузом в него пролез. Вот и третий этаж. Папа, отдуваясь, положил арбуз на коврик перед нашей дверью и позвонил. Мама открыла и уставилась на арбуз. А потом медленно отступила назад и села на галошницу.

— Ой какой! — только и сказала она. — Мы ж его не съедим!

– Съедем! – сказал папа. – Вот увидишь.

Он засмеялся и осторожно вкатил арбуз в переднюю. А оттуда так же осторожно по коридорчику – в ванную. А тут уж они вместе с мамой подняли и опустили его на белое дно под сильную струю воды. Ух как весело заблестели его полосатые бока! Как звонко загудел он под брызгами!

– Ну, где же твои помощники-едоки? – спросил меня папа. – Чего они не идут? Давай, давай, беги за ними!

Арбуз вытерли полотенцем и положили в большой блестящий таз. Когда я была маленькая, меня в этом тазу купали.

– Да! Как-то скучно такой красивый необыкновенный арбуз съесть просто так. Устроим праздник! – сказала мама. Она вынула скатерть и поставила на стол огромный медный таз с арбузом.

И тут прибежали все.

– А ну марш мыть руки! – крикнула мама из комнаты и принесла в ванную огромное банное полотенце – целую простыню одну на всех. Сегодня всё большое!

В ванную гуськом пошли: Светка, Наташка с сестрёнкой Ликой, Ромка, Кирилл, Толик, Митька, Витька и, конечно, братишки Никишкины.

Сели за стол, восторженно уставясь на огромный арбуз. А он сиял чистыми зелёными боками. Все смущённо улыбались в предвкушении небывалого пира. Папа взял большой нож. Все замерли, вытянув носы.

– Ну? Режем?

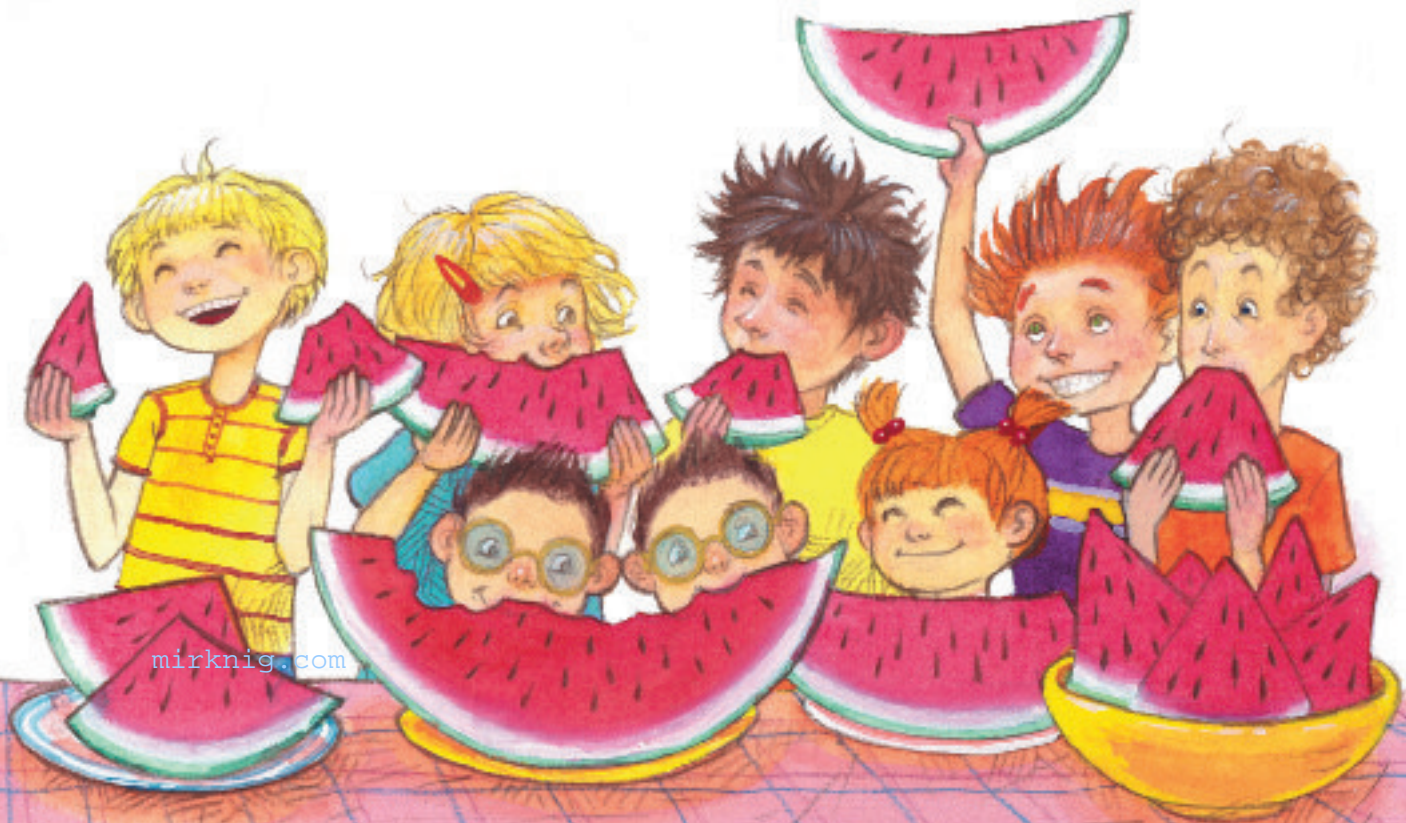
– Режем! – дружно крикнули ребята и захлопали в ладоши.

– Стойте, стойте! Подождите! – Мама побежала в комнату и тут же вернулась с фотоаппаратом. – Это же событие! Ну-ка, потеснее друг к дружке. Раз, два, три!

Щёлкнул затвор фотоаппарата, блеснул нож в папиной руке, и – крак! – арбуз тяжело развалился пополам. Из рыхлой красной мякоти брызнули чёрные косточки. Папа принялся с хрустом отваливать толстые сочные ломти.

– Налетай! – скомандовал он.

И загорелые ребячьи руки потянулись к арбузным кускам.

– Ум-м! Сладкий какой! – жмурились, до ушей вгрызаясь в арбузную мякоть, братишки Никишкины. Таращила глаза Наташка, переглядываясь со Светкой, а маленькой Лике мама положила на тарелку самый лучший кусочек – из середины. Сок струился по щекам и пальцам, капал на голые коленки.

– Вытирайтесь скатертью, – разрешила мама.

– А можно ещё?

– А как же? Обязательно! – смеялся папа, отрезая новые куски.

– Вот это жизнь! – отвалившись от стола, простонал Толик. – А когда вы будете фотографии печатать?

– Да вот дощёлкаем сейчас плёнку, и можно проявлять. Но лучше завтра, вечером, – сказал папа, – сегодня невмоготу.

– Как интересно! Везёт тебе, Катька! – протянул мечтательно Ромка. – А нам можно посмотреть?

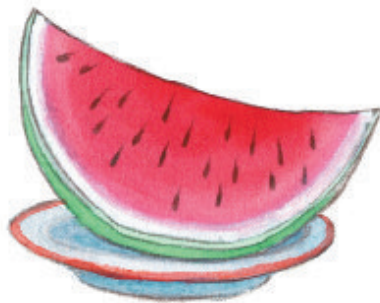
– Да заходите, конечно! Пап, можно?

– Можно, можно. Только осторожно! – засмеялся папа.

Мы ещё долго сидели и болтали обо всём на свете. А когда от арбуза осталась гора корок и семечек, а весёлые голоса ребят затихли на лестнице, мама сказала:

– Как мало, оказывается, нужно детям для праздника. Всего-то – большой арбуз.

– И друзей побольше! – подмигнул мне папа.

ВЕЧЕРКОМ С МАМОЙ

Давай сегодня, мамочка,
В гости не пойдём.
Давай с тобою, мамочка,
Посидим вдвоём.

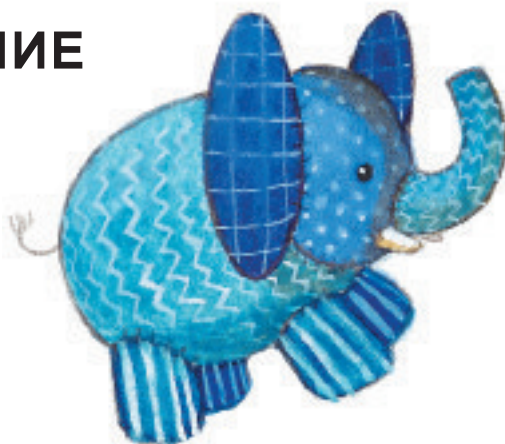
Холодно на улице,
А у нас тепло.
Зимний вечер хмурится,
А у нас – светло.

Нам не страшен ветер
И колючий снег.
Никого на свете
Нас роднее нет.

ВОВКИНО ПРИКЛЮЧЕНИЕ

В магазине мальчик Вова
Увидал слона большого.
У слона бока туги,
По бокам два уха,
С двух сторон по две ноги
Подпирают брюхо.
Будто шланг от пылесоса,
Длинный хобот
Вместо носа,
И с витрины на ребят
Глазки хитрые глядят.
— А! Хочу слона такого! —
Закричал тотчас же Вова.
Мама Вове говорит:
— Магазин уже закрыт. —
И добавила она:
— Нету денег на слона. —
Вова кулаком грозит
И ногой стучится в дверь,
Вова на землю садится.
— Не пойду домой теперь.
Дай! Хочу! —
Рыдает Вова. —
Дай! Купи! —
Ногами бьёт.
Возле мальчика такого
Собирается народ.
— А-а-а-а-а-а!
Слона!

И-и-и-и-и-и-и!
Купи! –
Слон на Вову рассердился,
За стеклом зашевелился.
По рубашкам и трусам
Он сошёл с витрины сам
И мальчишку в тот же миг
Поднял вверх за воротник.
Вова дрыгает ногами
Над огромною толпой,
Вова руки тянет к маме,
Вова просится домой.
Слон ответил:
– Погоди,
На витрине посиди,
И пускай вся улица на тебя любит.
Сам же я гулять пойду
В Александровском саду.

Рядом с рыжею мартышкой
Вова выставлен в окне,
Ярлычок пришит к штанишкам,
Прямо к лямке на спине.
Все теперь глядят на Вову,
Говорят все про него:
– Мальчик этот избалован,
Он не стоит ничего.

КАПИТАН

Флаги, флаги выются,
В руки не даются,
Хлопая и рея
На высоких реях.

Океанский пароход
В Индонезию плывёт.

Широко расставив ноги,
У штурвала капитан
Долго смотрит сквозь бинокль
В синий-синий океан.
Он в почётном окруженье
Загорелых моряков.
И к лишениям
И к крушениям
Он готов,
Всегда готов!

Но приходит мама с тазом
И снимает паруса.
И слетают флаги разом
У команды на глазах.

Что ж, что песня не допета,
Не закончен переход!
Межпланетную ракету
Капитан теперь ведёт.

Снова бури и крушенья,
Снова путь без маяков...
Снова к битвам и лишениям
Он готов,
Всегда готов!

ПРОГУЛКА

Я с бабушкой гулять иду.
Её я за руку веду.
Вот лужа – лужу обойдём.
Скамейка – сядем, отдохнём.

Пускай увидят все вокруг:
Гуляет с бабушкой внук.
Я бабушку не подведу:
Я хорошо себя веду.

МАМИН ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Я сегодня вымыл уши,
Сам кровать свою убрал,
И рисунок самый лучший
Маме я нарисовал.

Мама ахала счастливо,
Глядя на мои дела,
Целый день меня хвалила,
Нахвалиться не могла.

Ну а я всю старался,
Маму радовал, как мог.
Я до вечера держался,
Так устал – валился с ног.

Меня мама уложила,
Постояла надо мной.
– Ишь напраздновался, милый,
Наплясался, мой родной.

Жаль, что этот день прошёл,
Было очень хорошо.

ДОРОГАЯ ВЕЩЬ

Утром я не вышла гулять, и мы с мамой поехали в «Детский мир» покупать мне новое пальто. Уж мы мерили, мерили, сто штук перемерили... Наконец выбрали. Серенькое в клеточку, с пушистым капюшоном. Такого пальто у меня никогда не было! Продавщица наколола чек на гвоздик и вручила пакет не маме, а мне. Дома мама меня ещё в новом пальто повертела туда-сюда и отпустила в нём гулять.

Ребята играли в прятки, и я сразу же пошла «на новенького». Водить пришлось долго. И всё из-за Толика. Ух и хитрый он: знает, где прятаться! То залезет в пустой помойный бак, то в щель между гаражами, а тут забрался под мотоцикл, накрытый брезентом. Но меня тоже не проведёшь – я наблюдательная. Где это видано, чтобы у мотоцикла, кроме колёс,

ещё и ноги были, да ещё в красных носках?! Всё! Попался Толик! Теперь тебе водить!

Толик водил и водил. «Обознатушки-перепрятушки!» — орали всё время ребята и хохотали над растерянным Толиком, который то и дело ошибался. «Палочка-выручалочка, Катька!» — кричал он. А это была вовсе не я, а Наташка в моём пальто! Чтобы Толик подольше её не узнавал, она нарочно пониже опустила капюшон и задом-задом, на коленках выползала из большой трубы, валявшейся возле нового дома. Тут много чего осталось после стройки: проволока, ведра из-под краски, всякие ящики.

«Палочка-выручалочка, Наташка!» — кричал в другой раз Толик. А мы с ней уже давно переоделись. Наташка в платочке до самых бровей неслась выручать «за всех». Ух и весело

было! Когда прятаться надоело, мы решили строить шалаш. Мне сразу повезло: я нашла в строительном мусоре ржавый лист железа. Грохоту было на всю улицу, когда я волокла его к нашему шалашу! А ребята перевернули вверх ножками старую железную кровать с сеткой. Сперва на сетке все попрыгали, а потом стали прилаживать к кровати со всех сторон фанеру. Вот и получились стенки. «Ура! Крыша едет!» – закричали все, увидев, что я тащу. Дружно ухватившись за ржавые края, мы втянули «крышу» на верх шалаша. Потом нашли совсем ещё хороший матрац. Всё! Крыша над головой есть. Сидеть тоже есть на чём, можно влезать.

Хорошо в шалаше, будто в норке. С одного бока – Толик, с другого – Светка, сзади к спине тоже кто-то привалился. Дождичек накапывает, а здесь тепло, таинственно. Ржавые капли иногда за шиворот падают, но это ничего: отодвинуться можно чуточку, и снова сухо. Сиди и смотри, как злится непогода, да слушай страшные истории. Рассказывали долго. Уже зажглись фонари и окна в доме напротив. Я отсидела ногу, и она у меня сделалась резиновой, её покалывало иголочками. Я стала её вытаскивать из куча-мала, все завозились, и тут шалаш не выдержал – с лязгом рухнул на нас. Когда я вылезла из-под щепок и железок, то увидела: уже почти ночь! И побежала домой.

Мама как открыла дверь, так и зажмурилась. Потом втащила меня в прихожую и поставила перед зеркалом. Я не узнала себя. Из волос торчали стружки, на лбу и щеках размазались коричневые полосы, а новое пальто было без пуговиц. И вовсе не серое в клеточку, а какое-то пятнистое в полосочку.

От ремня мне удалось улизнуть под кровать. Я забилась в дальний угол, и мама пыталась меня выковырнуть оттуда щёткой. Но у неё ничего не получилось.

– Вот только вылезти! – стучала она по полу рукой. – Будет тебе, вылезти только!..

Но что будет, не говорила. Потом села на кровать, и мне теперь были видны одни её пятки.

– Это что же за чудовище такое на мою голову! – ругалась она. – Ну ничего не жалеет! Что ни купи! Такое пальто уделить! А?! Такую дорогую вещь! – И мама заплакала.

Мне и маму стало жалко, и пальто, и себя. Я тоже стала потихоньку плакать. Я же не нарочно!

– А помнишь, когда ты пол подметала, чулок разорвала, – припомнила я ей, –

то сама себя не ругала! И когда папа двери красил и весь вымазался, ему тоже ничего не было. Помнишь?

— Это же совсем другое дело! Это нечаянно, во время работы! — снова опускаясь на коленки и заглядывая ко мне под кровать, говорила мама. — А ты... Ты из озорства...

— И ничего не из озорства... Просто так получилось...

Мне было очень обидно. Вот так и останусь лежать здесь навсегда, и есть не буду, и пить не буду... Ничего не буду. Так и умру... Потом сами же плакать будете, да поздно...

...Проснувшись оттого, что кто-то крепко ухватил меня за ногу. Сразу и не сообразила спросонок, где это я и что происходит. А тем временем меня уже вытянули на середину комнаты. Это был папа. Он с работы пришёл.

— Я-то думал, что под кроватью наш кот Бублик спит. Он как нашкодит, так сразу же под кровать прятаться. А это, оказывается, ты! Кто же тебя так вымазал? — Папа смотрел на меня с нескрываемым удовольствием.

— Любуешься любимой доченькой? — Это мама вошла в комнату. — Порадуйся, порадуйся! Такая умница подросла. — Мама бросила на пол моё новое пальто. — Вот! Сегодня купили... Как отделала!

— А что? Нормально! — одобрил папа. — А ты что хотела? Ты бы видела меня, каким я домой приходил, когда был маленький!.. Ужас просто какой-то!

Папа обнял маму, потом меня. Мама отёрла меня под душем мочалкой, папа почистил пальто бензинчиком, и они с мамой, уже посмеиваясь и качая головами, о чём-то шептались, зашивая дырки и пришивая на место пуговицы. А я ходила на цыпочках. Помыла стаканы из-под киселя и поставила чайник, чтобы после такой работы вместе попить чайку с вареньем, будто никакой ссоры и не было, а, наоборот, праздник.

Вскоре пришла зима. Снег засыпал двор, и мотоцикл соседа под брезентом, и кучку железок и фанерок в углу двора, где был наш шалаш.

Я вышла с санками. Дворничиха тётя Таня разметала дорожку метлой, оставляя за собой полукруги чистого асфальта. А немного погода всё снова покрылось снегом, будто и не мели.

— Ну что за пропасть! — ворчала тётя Таня и бралась за лопату.

А я села на санки и съехала с горки прямо на дорогу, под ноги к тёте Тане.

— Куда тебя несёт на проезжую часть! — закричала она, не переставая скрести лопатой. — Под машину захотелось?!

— А машин-то нет...

— Когда будут — поздно будет! Давай, давай отсюда!

А я потихоньку мимо тёти Тани — опять на горку. Тётя Таня насыпала в большую старую корзину снежных комьев, ухватилась за обмороженную верёвку и поволокла корзину со двора. Мне с высокой горки хорошо было видно, как тётя Таня вывезла её и вывалила у края дороги в кучу снега. Приехал снегоуборочный комбайн и стал загребать огромными лопатами. Вот хищник! Во обжора! Чав-чав-чав! — и от огромного сугроба ростом чуть ли не со слона только несколько снежных комочков осталось!

Прокатилась я ещё несколько раз и пошла под окно Толика покричать, чтоб выходил. Толик высунулся в форточку, но ничего крикнуть не успел, как его кто-то ухватил сзади и оттащил от окна. Форточка захлопнулась. Всё! Толик не выйдет, это точно. Тогда я поднялась на пятый этаж во втором подъезде, где живёт Наташка. Сердитая девушка, отперев дверь, сказала, что она уехала к бабушке. Я села возле своего подъезда на санки и стала смотреть, как тётя Таня насыпает

в корзину снег. Тётя Таня, нагнувшись, долго шарила по земле, отыскивая верёвку. Я-то вижу, что конец верёвки под корзиной, а она не догадывается. Мне смешно стало. А она обиженно посмотрела на меня и медленно разогнулась:

— Чем сидеть-то сложа руки да насмехаться, лучше бы помогла верёвочку-то поднять. Ишь расселась... барыня.

Мне так неудобно стало. Даже уши под шапкой стали горячие. Я встала и отошла с санками в сторону. Тётя Таня

в это время вернулась со своей корзиной. Она волокла её за собой. Корзина моталась из стороны в сторону и подпрыгивала. И тут я сразу одну вещь придумала.

– Тётъ Тань! Я помогу! – И сразу подбежала к ней. Схватив корзину, втащила её на свои санки. – Вот!

– Ишь ты! Шустра! – засмеялась тётя Таня.

Потом мы вместе насыпали снег в корзину и повезли её со двора.

— Гляди, дело-то как подвинулось! — оглядывая чистый двор, радовалась тётя Таня.

— А можно, я немного ломом потюкаю?

— А подымешь?

— Это я-то?! Да знали бы вы, какая я силачка! — Я подняла лом и ударила об лёд. Откололся маленький кусочек.

— Ну, когда так, поработай чуток, а я домой сбегаю.

Раз, два, три... После пятого удара я почувствовала, что больше не могу. Тогда прижала лом к себе и, ударяя, всякий раз приседала. Стало намного легче. Когда пришла тётя Таня и отобрала у меня лом, я даже обрадовалась. И руки мои сразу стали такими лёгкими, что, казалось, сами поднимаются вверх. И тут я увидела свои варежки. Из красных они превратились в коричневые. А обледеневшие рейтузы в снежных катышках напоминали люстру с висюльками. Я посмотрела на свои окна. Там горел свет. Пришла с работы мама. Что-то теперь будет?!

Снег повалил сильнее. Тётя Таня стала вся белая, как медведица, и я, скосив глаза на свои засыпанные снежинками плечи, подумала, что я теперь будто медвежонок. И вдруг увидела возле нашего подъезда ещё одного белого медведя — папа! Я бросила лопату и с разбегу прыгнула ему на шею.

— Пора домой, работяга! Я уж давно смотрю: ты или не ты?

— Я... Только, пап, я домой не пойду... Я опять вся измазалась.

— Да-а... дела... — Папа покачал головой. — Теперь влетит! Ты, как придёшь, сразу лезь под кровать, а я начну за тебя заступаться.

Потом крепко взял меня за руку, подхватил мои санки, и мы пошли домой.

Когда мама открыла, папа сказал:

— Мы пришли с работы, устали и хотим щей.

— Раздевайтесь, работнички! — вздохнула мама. — Видела, видела в окошко, как некоторые старались... — И она стала меня раздевать. — Устала? — спросила мама и прижалась ко мне горячей щекой.

И мы крепко обнялись...

ДЕНЕЖКА

Валяется копеечка.
Кому она нужна?
Не купишь на копеечку
И воробью пшена.

Вот я её – в копилочку,
В узенькую дырочку!
Денежку за денежкой
Побольше накоплю
И дорогому дедушке
Подарочек куплю!

ДЕКАБРЬ

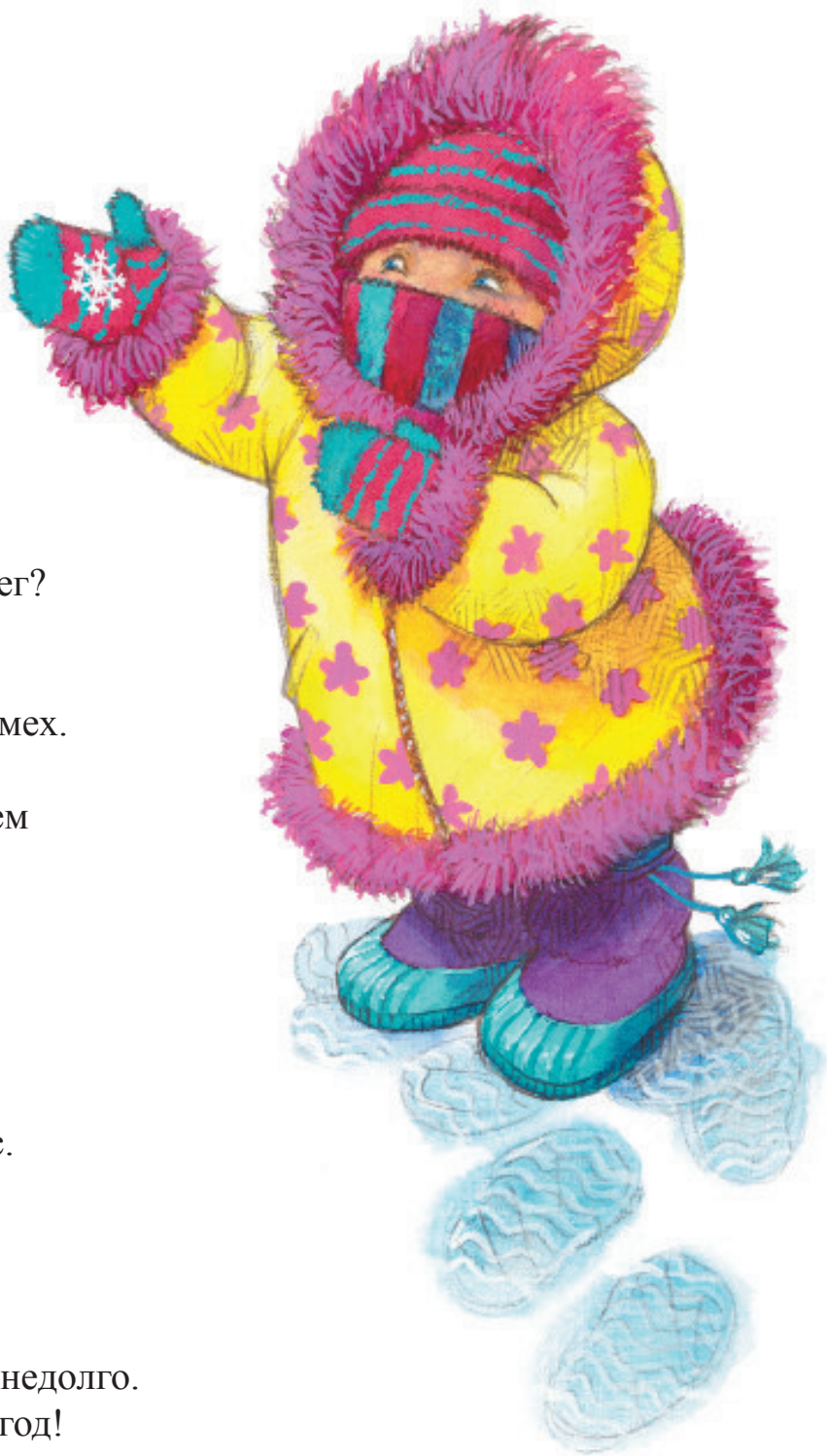
Неужели настоящий
За окошком выпал снег?
Он хрустящий,
Он блестящий
И пушистый, словно мех.

В настроении хорошем
Я по улице иду,
И галоши по пороше
Вафли лепят на ходу.

Снег не тает —
Он летает,
Он совсем меня занёс.
На витрине
В магазине
Появился Дед Мороз.

Значит, ждать теперь недолго.
Значит, скоро Новый год!
Скоро ёлка!
Скоро ёлка
Огоньки свои зажжёт!

mirknig.com

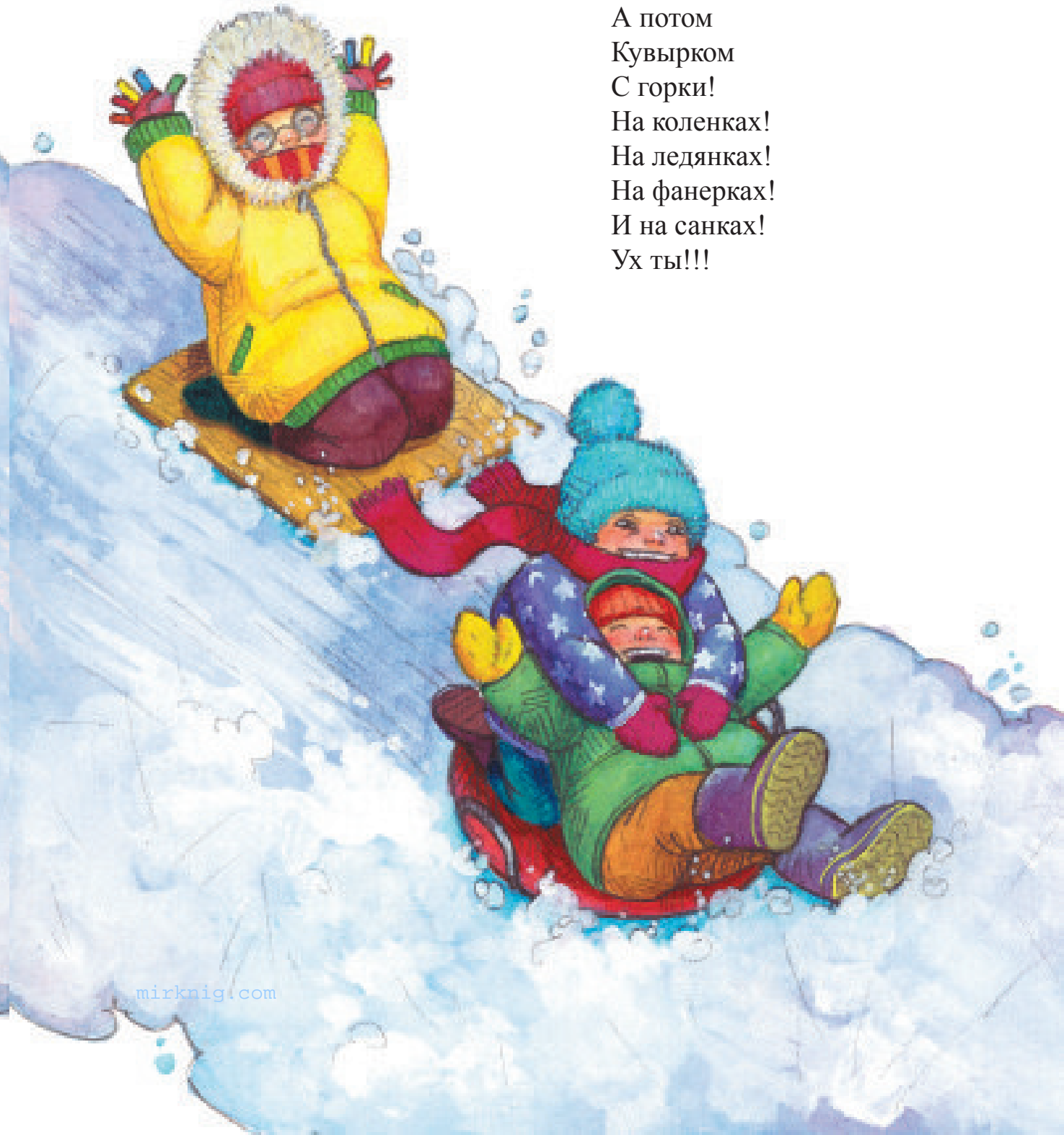
ГОРКА

В декабре
Во дворе
Мы с ребятами
Снег сгребали,
Насыпали
Лопатами.
Сапогами уминали,
Утапывали,
Из ведёрок поливали,
Окатывали.
Ты расти,
Гора,
Посреди
Двора.
Ты катайся,
Резвись,
Веселись,
Детвора!

mirknig.com

Эй, Наташки,
Таньки, Сашки
И Егорки!
Все на горку бегом,
А потом
Кувырком
С горки!
На коленках!
На ледянках!
На фанерках!
И на санках!
Ух ты!!!

↓ЛКА

Ёлку в комнату втащили,
Положили на полу.
Развязали,
Раскрутили
И поставили в углу.
Ей, морозной и дремучей,
Наша комната тесна.
В стену лапою колючей
Упирается она.
Низко свесила иголки
Над кроваткою моей.
Хорошо лежать под ёлкой,
Будто в норке из ветвей.
Чуть качаются игрушки,
Бусы льдинками звенят.
Вон развесил кролик ушки,
Смотрит грустно на меня.
А за ним следит волчица
Из-за шишки золотой.
Ты не бойся, не случится
Никакой беды с тобой.
К ветке крепкою верёвкой
Я волчицу прикрутил
И охотника с винтовкой
Рядом с нею посадил.

САМЫЙ ЛУЧШИЙ ПРАЗДНИК

Самый лучший праздник –
Это Новый год!

Каждый это знает,
Каждый его ждёт:
Бабушки и мамы,
Дедушки и папы,
Взрослые и дети,
Все на свете.

Топят печки жарко,
Пироги пекут,
Ёлки и подарки
Все домой несут:
Бабушки и мамы,
Дедушки и папы,
Взрослые и дети,
Все на свете!

Пусть счастливым будет
Этот новый год,
Пусть не знают люди
Горя и забот:
Бабушки и мамы,
Дедушки и папы,
Взрослые и дети,
Все на свете!

↓ЛКА

Скоро Новый год! Ёлки несут. А у меня нет ёлки. Осталось два листочка календаря. На последнем – картинка: тридцать первое число висит на ёлке, украшенной большими шарами. И написано: «С Новым годом!» У всех будет ёлка. У Толика на балконе давно лежит. Большая, с улицы макушку видно. У Наташки тоже есть – её запеленали в бумагу и на верёвочках спустили за окно, на карниз, а верёвочки крепко-накрепко к форточке привязали. Снежком её присыпало – не завянет. Завтра достанут, наряжать будут. Наташка меня звала помогать. У неё игрушек! Три большие коробки. А мы свои, когда на эту квартиру переезжали, на память маленькой Люсеньке подарили. Мы тогда всё, что можно было, всем на память дарили. Тёте Зое наши цветы. Она так радовалась! А бабе Мане – боль-

шое кресло. Она в нём любила сидеть, когда приходила к нам в гости.

Ничего — у меня тоже всё будет: и ёлка, и игрушки. Папа обещал. Просто ему сейчас некогда — конец года и работы много. А вечером какие же ёлки, на базаре одни палки остаются. А мама после работы сразу в магазин и бегом домой — ужин готовить.

Папа сегодня сказал, когда мы пили утром чай: «А может, мы без ёлки? А? Нарядим щётку, повесим лампочки и плясать будем. Ну что ж теперь делать, — нет ёлки, и всё тут. Даже искусственных приличных нет, все маленькие». И сам так виновато на меня и на маму посмотрел. Ну всё! Раз он так говорит — значит, ёлки не будет. Я носом в чашку уткнулась, а слёзы у меня прямо в чай так и закапали. Тут мама и папа вскочили и давай меня гладить, жалеть и уговаривать. Так и разошлись мы грустные — я в школу, мама на свою работу, папа — на свою. Папа, когда уходил, обнял меня покрепче и сказал: «Не плачь, я постараюсь».

Я как из школы прибежала, так сразу стала ждать. Уселась на подоконник, грызу сухарик с маком и смотрю на улицу. Идут, идут люди с сумками, с ёлками, с тортами... Ёлок насчитала пятнадцать штук. А папы всё нет. И мамы почему-то тоже... И темнеть стало. Я раньше никогда не замечала, как темнеет. Гуляешь, гуляешь — и вдруг уже темно, и мама зовёт домой с балкона. А тут я увидела, что сперва зажёгся огонёк в доме напротив, потом зажглись фонари, и всё как-то поголубело — и снег, и деревья, а окна стали быстро зажигаться в домах.

И небо стало всё синеть, синеть, а огней всё больше и больше. И наступил тёмный вечер. Я стала смотреть, в каких окнах уже горят ёлочные огоньки, и считала эти окна. Я загадала: если насчитаю чётное число «ёлочных окон», то

ёлка у меня будет, а если нет, то нет. И только я начала считать, как в дверь так сильно и долго зазвонили, что я испугалась. Папа так не звонит. Он звонит, как будто на звонке играет: сначала один раз, потом три раза кряду, и получается: «Я пришёл, пришёл, пришёл!» У мамы тоже свой сигнал: пять длинных звонков: «Ва-ша-мать-при-шла!» А тут какой-то бандитский звонок. Я подтащила табуретку к глазку. А звонок ещё громче, ещё сильнее! Смотрю в дырочку: там за дверью темно и что-то лохматое шевелится. Страшно!

– Кто там? – спрашиваю.

А папа из-за двери кричит:

– Я, открывай! Скорей!

Только я дверь отперла, как на меня полезла целая куча еловых веток: холодных, колючих, дремучих! И папа в них барахтается. Никак вместе с ёлкой в квартиру не влезет. Пришлось вторую половинку дверей открывать. И... Вот она! Ёлка! Ёлочка моя! Пушистая! Душистая! Зелёная моя!

А по лестнице мама поднимается, и в руках у неё огромный картонный ящик, крест-накрест бечёвкой завязанный. И на крышке нарисован Дед Мороз с ёлкой – игрушки! Ура! Ура! Ура! Мы втащили ёлку в большую комнату и прислонили её к стенке. И она упёрлась макушкой в угол потолка. А ветки заняли чуть ли не полкомнаты. Папа сбросил пальто и шапку на диван, и я от радости запрыгнула ему на спину, и мы с ним так проскакали по всем комнатам и в спальне повалились на большую кровать. А мама тоже смеялась, хотела нас разнять, но тоже упала на нас, и получилась куча-мала. И мы все хохотали, обнимались и орали: «С Новым годом!

С Новым годом!» У мамы растрепалась коса, и папа от такой красотищи зажмурился и сказал, что он умирает от счастья. И мы тихо сидели, обнявшись, втроём и смотрели на ёлку через открытую дверь.

Если табуретку перевернуть вверх ножками, опустить туда ведро с водой и поставить в ведро ёлку — конечно же её надо привязать покрепче к табуреткиным ножкам, — то она будет стоять очень долго. И наша ёлка стояла весь январь. Мы подливали воды в ведро, и она почти не осыпалась. Вечером мы зажигали на ней лампочки, она светилась, как в первый новогодний вечер, зелёными и золотистыми огоньками, и не надо было включать торшер, и все знакомые удивлялись, что у нас не кончается праздник.

Наташка свою ёлку выбросила на второй день нового года — осыпалась. Ёлка сиротливо валялась у подъезда, и дворничиха тётя Таня воткнула её в сугроб — пусть будто растёт. Толик тоже через несколько дней вынес свою ёлку — сухую, жёлтую, с обрывками дождя и ваты на веточках, и бросил её на помойку. Братишки Никишкины свою ёлку выбрасывать не стали. Они катались на ней с горки весь день и бросили её среди фанерок прямо тут же, в конце ледяной дорожки, упирающейся в сугроб.

А я из-под своей ёлки выгребала сухую хвою по два-три совка до тех пор, пока она не перестала осыпаться. Наконец остались только хрупкие высохшие веточки без хвоинок и на них шары и бусы, потускневшие от пыли.

— Пора, — сказала как-то раз мама и вздохнула: — Все-му приходит конец. — И молча сняла с ветки пыльный шар и стёрла с него ладошкой пыль.

— Пора, — согласился с ней папа, — но... вместо конца можно сделать продолжение. — И он приставил к маминому носу большой серебряный шар, и мамино лицо в нём вытянулось

и превратилось в сплошной толстый нос, а глазки стали как у муравья. Она засмеялась, а папа обнял её, и в шарике отразилось два толстых носа. — Нет, я отказываюсь выбрасывать ёлку, — сказал папа. — Она мне слишком дорого досталась! Я с ней чуть в милицию не загремел, все думали, что я её спилил в Александровском саду.

— А правда, где ты отхватил такую?

— Секрет!

— Ну, папа!

— Секрет! Обещал молчать, а то в следующий раз не дадут.

Так мы от него ничего и не добились. А потом наступил вечер, и я побежала посмотреть по телику Филю с Хрюшей. Папа тоже всё заглядывал ко мне в комнату и ждал, какую погоду объявят на завтра. И очень был доволен, когда сказали, что ночью будет мороз и метель.

Я долго не могла уснуть. Свистела за окном вьюга, и качался фонарь. Я лежала и всё прислушивалась: что там происходит на кухне. А там жужжала кофемолка, мама смеялась, и папа что-то рассказывал. И то и дело скрипела балконная дверь.

«Секрет, — думала я, — какой, интересно, секрет?» А секрет был вот какой. Утром на балконе стояла белая от сосулек и снега наша ёлка.

А вечером папа снова поливал ёлку из ковшика: наращивал сосульки. Но мне он не разрешил, чтоб я не простудилась, а разрешил смотреть в окно.

Мы теперь каждый выпуск новостей караулили прогноз погоды. Объявляли, что морозы будут и дальше сильные. От радости мы танцевали на кухне перед нашей ёлкой, сосульки на которой делались всё длинней и длинней.

— Опять мороз, да здравствует мороз! — пели мы на все голоса.

— А давайте повесим шарики! — сказала мама.

И мы достали из коробки три самых больших шара. Красный — мама, синий — папа, а зелёный — я.

— А давайте проведём на балкон проводочек под дверью, — сказал папа, — и включим в розетку на кухне. И будет гореть.

Так мы и сделали. Стало так волшебным, что мы не зажигали свет, а стояли на кухне в темноте и смотрели через стекло на ёлку. Мама нас всех обняла и сказала:

— Какое счастье, что мы такие дураки!

Я побежала звонить по телефону всем ребятам, чтобы они скорее смотрели на мой балкон. А там, в синих сумерках падали снежинки и, застревая в обледеневших веточках, светились зелёными, розовыми и золотыми искорками.

Один раз, в воскресенье, мы с мамой и папой ходили гулять на овраг. Там была такая широкая ледяная горка, как дорога. И все ехали

с неё прямо так, без санок: садились и ехали. Лёд — он же чистый, как зеркало, не изваляешься. Ну, мы маму уговорили и тоже съехали, втроём. Мама визжала как девчонка, а потом мы хохотали и гонялись друг за другом в салочки. Мы шли от оврага тихими улочками мимо садов, заваленных снегом, и папа всё удивлялся, как много рябины. Рябиновые гроздья висели красными люстрочками. Папа поднял меня, и я нарвала рябины полную папину шапку.

— Зачем тебе столько? — удивилась мама.

— Секрет, — подмигнул мне папа.

Дома мы развесили рябину на веточках нашей ёлки.

К нам на балкон всегда слетались птицы, а тут вдруг пожаловали снегири! Папа нечаянно увидел их рано утром. Он разбудил нас, и мы, тихонько ступая и прижимаясь к стенкам, пробрались в кухню полюбоваться снегирями и не спугнуть их. Один раз целых шесть штук уселись на нашу ёлку, когда мы пили чай. Мы так и замерли и сидели не дыша, пока они не улетели. Даже чай остыл.

Ребята спрашивали, когда мы свою ёлку выбросим, а я сказала: «Никогда. Зачем же такую красоту выбрасывать?» А Толик покрутил пальцем у виска.

В конце марта мама убиралась на балконе.

— Нет смысла дольше держать ёлку. Её и ёлкой-то назвать уже нельзя. Уж больно жалкий вид. Я лучше цветы в ящиках посажу.

— Во! Правильно! — обрадовался папа. — Посадим много цветов: вьюнов, табаков, бобов и бешеных огурцов побольше! Только ёлку-то зачем выбрасывать!

На дворе июль. Наша ёлка зеленеет. Да вот! И цветёт всюю! Сиреневыми граммофончиками! И растут всюю горох, огурцы и тыква. А ёлку даже и не видно стало под этой дремучей зеленью.

А мы с папой пританцовывали и пели:

Что растёт на ёлке?
Шишки да иголки!
Баклажаны и бананы
Выросли на ёлке!

И вот на ёлке созрел урожай. С верхушки свешивался огурец, а горох так и завивался вокруг каждого сучка. Соседи с соседних балконов удивлённо и восхищённо улыбались нам, когда мы поливали наш еловый огород.

— Ну что? — торжествуя, спросила я у Толика, когда он с ребятами пришёл к нам. — Теперь веришь, что на ёлке растут огурцы? Проиграл? Гони ножик.

Прошла солнечная осень, наступила дождливая и холодная. Урожай мы убрали, и ёлка, снова голенькая, притулилась в уголке балкона.

И вот как-то поздно вечером, когда выключили телевизор, папа сказал:

— Сон отменяется, будет ночной поход и прощальный костёр.

У мамы округлились глаза, а я заорала «ура!».

Папа вытащил ёлку с балкона и вынес её на лестницу. Мы быстренько оделись и вышли в наш гулкий двор. Мы шли по тёмным переулкам, и нам встретился всего один запоздалый прохожий. В окнах гасли последние огни. Громко шуршали листья под ногами. Мы завернули за гаражи и очутились на пустыре.

— Ну вот и пришли, — сказал папа и воткнул ёлку в груды битых кирпичей.

Мы молчали. Папа чиркнул спичкой и поднёс её к ёлке. Огоньки побежали по сухим, хрупким веточкам, сжигая

и сворачивая их в раскалённые завитки. Ёлка вспыхнула ярко, теплом пахнуло на меня, осветило мамино грустное лицо, сверкнуло золотым огоньком в папиных зрачках и пучком красных искр, будто салют взлетел в небо. Всё. Мы смотрели туда, где они растаяли и превратились в звёзды.

— Вот и всё, — сказала мама. — Как жаль...

— Ничего, осень кончается, скоро Новый год, — ответил ей папа.

— И снова у нас будет ёлка! — сказала я.

РОЖДЕСТВО

Замела метель дорожки,
Но иду-бреду во тьме
По едва заметной стёжке
В нашу церковь на холме.

В церкви пенье и сиянье,
Лики строгие святых.
Мы в молитвенном стоянье
Смотрим с верою на них.

Нам тепло в морозный вечер,
Весь в огнях иконостас...
И глядят, глядят сквозь вечность
Очи Господа на нас.

ВЕСНА

Я веточку нашла,
С мороза принесла,
Поставила в бутылку,
Она и расцвела!
Метель всю метёт,
А веточка цветёт!
Зима нам не страшна,
У нас уже весна.

mirknig.com

МАРТ

Какое небо синее!
Давно такого не было:
Высокое! Глубокое!
Ни облачка вдали!
И, отражён водою,
Стал город больше вдвое.
И вдвое больше неба,
И солнца, и земли.
Распахнуты окошки,
И смело бродят кошки
По солнечным карнизам,
Мечтая спрыгнуть вниз.
Спросите, что под нами
Сегодня вверх ногами?
– Да всё, что смотрит в лужи,
Куда ни оглянись!

АПРЕЛЬ

Ах, как всё быстро тает,
И голуби летают,
Лохматые собаки
На солнышке лежат.
И можно наконец-то
Понежиться, погреться
И долго-долго слушать,
Как ручейки звенят.
Уже на каждой кочке
Лиловые цветочки,
И лезет из-под снега
Упрямая трава.
И бабочка несмело
Впервые полетела,
И пчёлка загудела:
Жива, жива, жива!

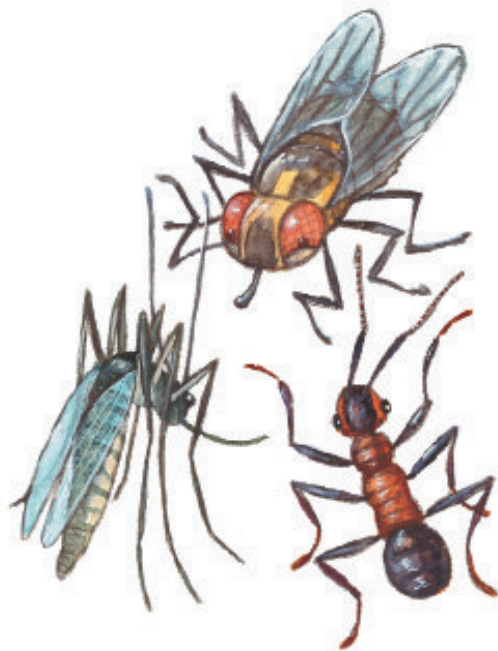

ЗДРАВСТВУЙ, ЛЕТО!

Потирают мухи лапки:
– Вот и лето! Благодать!
Можно спать на мягкой травке
И на солнце загорать.

Босиком теперь гуляет
Загорелый муравей.
Он от солнца надвигает
Свой картузик до бровей.

И до самого рассвета,
До предутренней поры:
– Здравствуй, лето!
Здравствуй, лето! –
Распевают комары.

ЗЕМЛЯНИКА

Как в лесу вокруг пенька
Травка очень высока,
А под ней, взгляни-ка,
Зреет земляника.

Ягоды полным-полно:
В кружечке закрыло дно,
А я набираю до самого краю.
Земляники наберём,
Маме ягод принесём.
Мамочка похвалит
И варенье сварит.

ПОСЛЕ ДОЖДЯ

Раз, два!
Раз, два!
Очень мокрая трава,
Лужи по колено,
Пузыри и пена.

В светлых каплях провода,
Ветки и листочки,
Через край бежит вода
Из пожарной бочки.

После дождика цветут
Ярче незабудки
И по улицам плывут
Друг за дружкой утки.

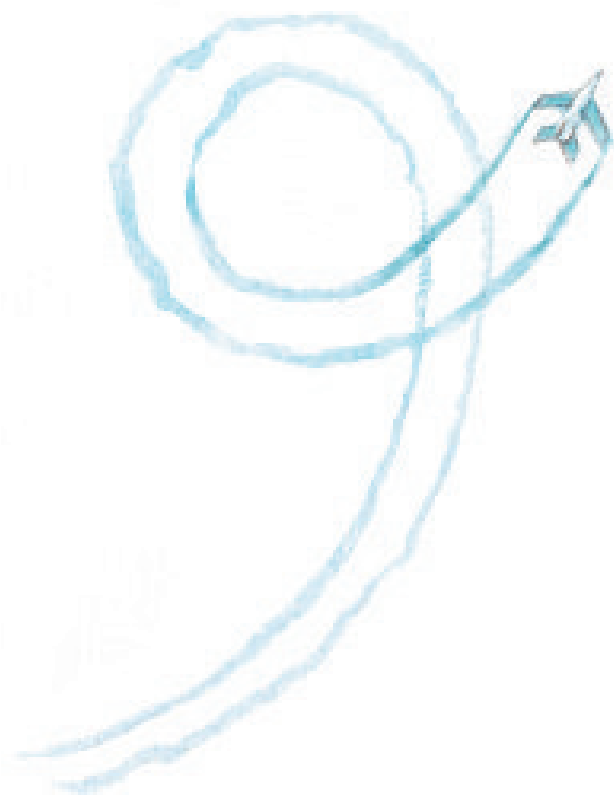

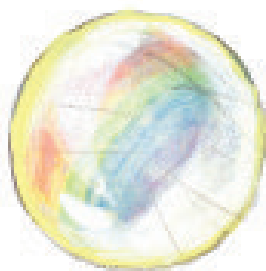
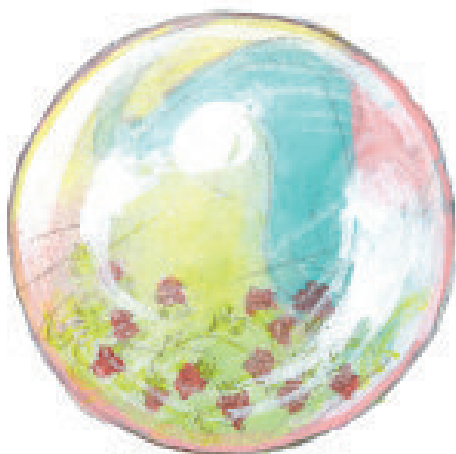
ГН↓ЗДЫШКО

Птица тучи не боится,
Не боится грома:
Если буря разразится,
Птица – фьють и дома.
Птичий домик на суку,
Нырь туда – и всем ку-ку!

НА ПРИПЦКЕ

Надувает ветерок
Белые палатки.
Жёлтый солнечный песок
Обжигает пятки.
Лишь панамка да трусы –
Вот и вся одёжка.
Облупились носы,
Стали как картошка.
Надоело греть живот –
Взял перевернулся.
Если солнце очень жжёт –
Взял да окунулся.
Реактивный самолёт
Прямо надо мною
Ниткой шёлковой шьёт
Небо голубое.
В жаркий полдень вся земля
Солнышком согрета.
Далеко до сентября,
Впереди всё лето!

РАДУГА

Я мыльный пузырь выдувала.
Я так осторожно дышала,
Что маленький мыльный пузырик
Делался шире и шире.
И в его золотых боках
Трава зеленела,
Малина алела,
Текла голубая река.
Когда же он стал большим,
Я попрощалась с ним.
Он тихо проплыл надо мной
И скрылся за нашей трубой.
Тогда-то и стало оттуда
Растить небывалое чудо!

Огромная,
Золотая,
Малиново-голубая –
Радуга!

mirknig.com

ДЕРЕВЦЕ

Посадила девочка
Около крылечка
Маленькое деревце,
Листики сердечком.
Посадила, убежала,
Позабыла, что сажала.

В жаркие денёчки
Все сидят в тенёчке.
А деревце во дворе
Засыхает на жаре.

Я смотрю из окна:
Помощь деревцу нужна!

Я беру воды бидон
И на улицу бегом.
— Корешки, пейте!
Листья, зеленейте!
Ветки, разрастайтесь,
К небу поднимайтесь!
Я не дам вас обижать —
Буду сам вас поливать,
Чтоб росли до крыши:
Выше!
Выше!
Выше!

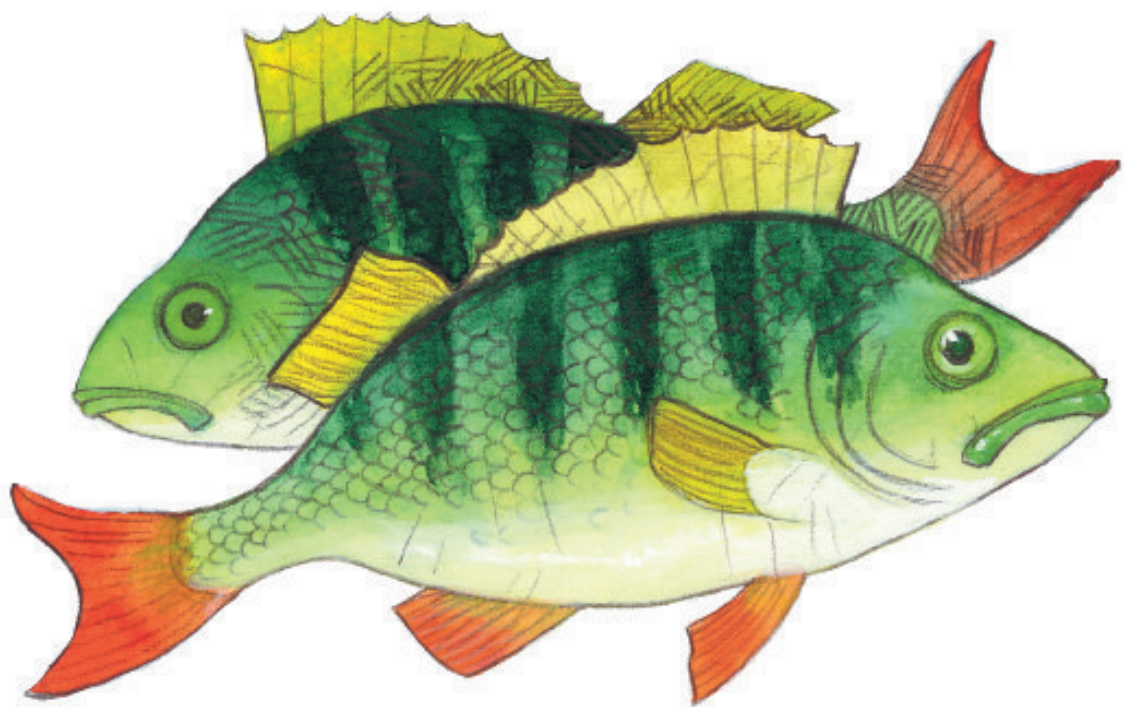

ГРОЗА

Лезет туча чёрная,
Брюхо закопчённое.
Гром ударил:
Трам-ба-бам!
Дождь по спинам,
По ногам!
А мы все — по домам.
Дождь уже не страшен нам!
Мы в окошечки глядим
Да бараночки едим!

ОКУНЬКИ

Летом я жил в деревне у деда с бабушкой. А мама с папой приезжали к нам на выходные дни на мотоцикле. Вечером, когда прогоняли коров и становилось прохладно и тихо, мы, сидя на крылечке, прислушивались: не едут ли. И когда издали долетали едва различимые потрескивания мотора, бабушка всегда первая слышала и, улыбаясь, говорила: «Ну, слава тебе Господи! Едут!» И бежала в дом ставить на огонь чугунок молодой картошки. Скоренько раскладывая на столе вилки и нарезая хлеб, она соображала вслух:

– Это они сейчас в Степунове, потом через Чернево... Пока через мост переедут, да там ещё поле – у меня уж всё готово будет.

И на столе раскрывалась скатерть-самобранка, и дедушка с удовольствием оглядывал, потирая руки, и плоску

малосольных огурчиков, и маслят, и стрелы зелёного лука, только что сорванного с грядки.

И вот! Они уже здесь, снимают шлемы. Мама сбрасывает рюкзак на порог. А там пакеты, кулёчки и свёрточки – всё такое вкусное, городское!

А потом за столом главные разговоры про рыбалку. И где ловить лучше, и на что – на червя или на манную кашу. А дедушка всё повторял, как он намерен поймать щуку недалеко от купальни.

– Ух и сильная! В воду меня по пояс утащила! Еле я её одолел. Во! – разводил он руки, и мама и бабушка отклонялись, давая ему простор. А папа усмехался недоверчиво и говорил, хрустя огурчиком: «Ну-ну-ну!» – Да вот ей-ей! – горячился дед и широко, убедительно крестился.

Тут уж я не выдерживал:

– Когда ж я-то?!

– Сиди, сиди пока. Рыбалка – мужское дело. Не шутка! Вода! Тут или за тобой глядеть, или на поплавок, – успокаивал меня дедушка.

И так всегда: погоди да подрасти...

А в этот раз я не стерпел и так разревелся, что и мама и бабушка сжалились надо мной и стали просить:

– Да возьмите вы его.

А мама прямо-таки к папе приступила вплотную:

– Далась тебе эта рыба! Сам разочек не половишь, рядом посидишь, а ему какое удовольствие!

– Ну ладно, – сдался папа и сказал мне: – Пошли червяков копать.

А дед махнул рукой:

– Эх, пропало дело! Чегой-то у меня поясницу нынче ломит. Останусь-ка я дома, а червяки во-о-он там, у колодца, под брёвнышком.

Наш кот Кеша сразу же увязался за нами.

— Ишь как к тебе подлизывается! — смеялся папа. — Напоминает о себе, мол, и я с вами.

— И тебя возьмём, и тебя! — гладил я его по спинке. — Пап, возьмём!

Я был так рад, так рад и хотел, чтобы всем-всем, и Кешке тоже, было счастье!

— Да мы рано-раненько, на зорьке встанем, — вороша сырые комочки земли и высматривая в них червяков, отвечал папа, — Кешка ещё спать будет. И ты сейчас давай быстренько лезь на сеновал, мы там с тобой сегодня переночуем, чтоб никого не будить спозаранку.

— Ух ты! И на сеновале спать! — Я прямо даже не знал что делать — столько мне сразу счастья привалило.

На сеновал надо взбираться по узенькой деревянной лесенке. Мне одному туда лазить строго-настрого запрещалось. Один раз дедушка поймал меня на третьей ступеньке да крапивой так надрал за послушание, что я два дня чесался. А теперь с папой можно!

Ух и хорошо на сене! Мягко! Над головой совсем близко — руку протяни — шершавые доски крыши, внизу, в стойле дышит и хрумкает корова, а в щёлочку видно, что уже стемнело.

— Устроились? Хорошо вам? — спросила снизу мама. — Ну, тогда спите, рыбаки.

Я проснулся оттого, что папа легонько шлёпал меня по щеке.

— Вставай. Быстренько. А то один уйду.

— Один! Ещё чего!

Я сразу же проснулся, только никак не открывались глаза. И папа взял меня под мышку, и так мы вместе слезли вниз. Бабушка уже встала и хлопотала у стола.

– Чайку стаканчик! Надо, надо обязательно... А то силы не будет рыбу тащить. Ты уж там постарайся, – подсовывала она мне хлеб с колбаской, – а я ждать буду, сковородку большую из чулана достану. Нажарим! Гостей назовём: тётю Нюру, дядю Юру, бабу Таню, деда Ваню! Во сколько!

Бабушка смеялась, провожая нас, и я обещал наловить побольше.

Мы пошли. Холодно мне было что-то. Я никак не мог по-настоящему проснуться, а папа шёл быстро впереди меня и покрикивал:

– Не отставай, не отставай, клёв пропустим!

Дорога свернула куда-то вбок, в кусты, и сделалась тропинка, и я уже вприпрыжку бежал за ним, стараясь не

скатиться по крутизне и не выронить банку с червяками. Туман лежал на воде, и всё было серое – и вода, и кусты.

– Давай-ка банку. Открывай. – Папа уже разматывал леску, когда я подбежал к нему. – Вылавливай червяка пожирней... Ну, вот и готово! Держи крепко! – Он дал мне удочку. – Вот встань сюда! – и уступил мне место у воды на вытоптанном пяточке возле коряги. А сам стал за моей спиной.

Я взмахнул удочкой – леска свистнула и ушла в тёмную воду. И сразу же задрожал и утонул поплавок. И всё! И больше не появлялся, а удочку так и затрясло.

– Пап, куда-то поплавок делся...

– Тяни! – крикнул папа, и я дёрнул.

Из воды выскочила рыба и прямо на меня. Я бросил удочку и отскочил, налетел на папу и хотел бежать. На траве у моих ног трепыхался зелёный полосатый окунь. С оранжевым хвостом и плавниками. Он подпрыгивал в траве уже у самой воды.

– Хватай! Удерёт! – крикнул папа и тут же, не дожидаясь меня, упал на колени и – раз-раз-раз! – поймал вертлявую рыбину. – Ну, поздравляю! С первым! Да с таким большим! – хохотал папа. – Давай скорей сумку! А сумку-то и забыли. Ну ничего, сейчас... изобретём что-нибудь.

Папа положил окуня подальше от воды в травку, прижал его к земле камушком. Потом сел, расшнуровал кеды и связал два шнурка вместе.

Вот и готова верёвочка. На рыбалке главное что? Правильно – смекалка! Папа просунул кончик шнурка окуню под жабру и вытянул изо рта. Окунь бешено забился.

– Вот он и попался. Теперь свяжем концы и пустим его, голубчика, плавать. – С этими словами папа опустил его в воду, привязав шнурок к сучку на коряге. Окунь ушёл в глубину и там притих.

Папа насадил нового червяка, закинул удочку, и не успел поплавок всплыть, как опять потонул, и всё повторилось. Теперь уже я кричал во всё горло: «Клюёт! Тяни!» Папа не растерялся, из воды выскочил такой же окунь.

— Повезло нам! — радовался папа, нанизывая его на шнурок и отправляя туда же, к своим. — Это мы на окунёвую стаю напали. Сиди тихо, а то спугнём.

И мы закинули снова и снова поймали. Солнышко показалось над кустами на той стороне реки. Стало тепло, даже жарко. У нас было на связке уже восемь штук, когда папа сказал, глядя на спокойный поплавок:

— Ну всё. Кажется, теперь можно расслабиться. Клёв кончился.

Стало совсем жарко. Одежда наша лежала на траве. Я сидел, упрямо уставясь на поплавок, но рыба не ловилась.

— Сиди, не вставай, — приказал мне папа, — я искупаюсь, потом тебя, и пойдём домой.

Папа нырнул и поплыл, но недалеко, и всё поглядывал на меня, чтобы я к воде не совался. А мне интересно стало, как там наши окуни, и я подлез под корягу. А они там на верёвочке шевелят плавниками, так и ходят в тёмной воде. Мне захотелось полюбоваться на них — какие они — и посмотреть на своего. Он оказался самым большим — все остальные были поменьше. Я подтянул к себе всю связку и отцепил её от коряги. Рыбы как начнут трепыхаться все сразу, и скользкая верёвочка выскочила у меня из рук. Я закричал и хотел кинуться за ними, но испугался воды и остался. Я только был и прыгал и показывал рукой на окуней. А они крутились в воде, и от них расходились маленькие волны. Потом как-то бочком поплыли все вместе и унырнули в глубину. Папа уже плыл ко мне изо всех сил и, когда стало мелко, побежал по колено в воде, поднимая фонтаны брызг.

– Что?! Что?! – кричал он.

А я всё показывал рукой туда, куда уплыли окуни, а сам только кричал: «А-а-а-а!» Я даже плакать не мог.

– Упустил! Уплыли! – понял папа. – Ну не реви... не беда... ещё пойдём завтра... Мы ещё завтра не уедем. Воскресенье же!

А я всё смотрел, смотрел на воду, и мне казалось, что я вижу, как на середине реки плещется, рябит что-то.

– Да не они это, – махнул рукой папа, – это песчаная мель, камешки там на волне перекатываются. Жаль... жаль, что в связке они, – тоже пошаривая глазами по плёсу, сказал папа, – знатная закуска щукам будет.

Мы тихо побрели домой. Вместо рыбы несли свои свитера и кеды. Жарко было, и возвращаться домой не хотелось. Сейчас мама первая выбежит: «Много наловили?

Показывайте вашу рыбу!» И бабушка со своей сковородкой: «Ну, рыбаки, давайте сюда вашу добычу — я уж и мучки приготовила!» А дедушка — это хуже всего — подскочит и начнёт: «Ну, я же говорил? Говорил же! Маленький он ещё!»

— Па-ап! А пап! Давай домой не пойдём, — сказал я осторожно, — посидим на берегу, искупнёмся, а потом завернём в лесочек — грибов найдём. Я тут одно местечко знаю — лисичек! Всё жёлтое кругом! Бабушке если принесём — как раз полная сковородка получится. Вместо рыбы... Пусть жарит.

— Э-э нет! — засмеялся папа. — Пошли. Облапошились мы с тобой — ничего... потерпим. Знаешь, как бабушка наша говорит: Бог дал — Бог и взял. Вот и думай.

Мы шли молча. Чего говорить. И тут прямо из-под бережка скоренько так, скоренько по тропиночке нам навстречу наш дедушка. За спиной у него большой сак на толстой палке. Он рыбу саком ловит.

— Ну, братцы, скажу — не поверите! Вот чего поймал! — И прямо нам под ноги — раз! Наших окуней! Восемь штук на связке.

— Наши! — заорал я.

— Чего «наши»?! Откуда они ваши? — вытаращил на нас глаза дедушка. — Хорош! Наши! — Он даже как будто обиделся. — Я, может, их вываживал из осоки, по пояс в воду ухнул. Во как!

Дед и взаправду был в мокрых облепивших его трениках, и кеды на нём были мокрые, вода сочилась из дырочек для шнурков.

— Как ты поймал-то их? — хохотал папа. — Рассказывай давай.

— Как-как... — Дед поддел окуней за верёвочку и поднял. Они, сверкая, затрепыхались перед моим носом. Мой окунь дрыгался сильнее всех. — Ну, я... это... дай, думаю, пошарю

немного сачком, у меня тут местечко своё на углу, под ракитой. Тяну, значит, а он тяжёлый... Ну всё, думаю, застрял, порву сетку. Потом чувствую, там так и бьётся, так и ходит всё ходуном. Ну, я понатужился, потянул опять, да так и сел: ноги по мокрой глине поехали. Видите — искупался, но вытянул и ошалел! Чтоб рыбы в упряжке плавали — пятьдесят лет рыбачу, а такого ещё не видел.

— Молодец! — сказал папа. — Шнурки мои только верни, а улов можешь себе забрать.

— И моего окуня я тоже, деда, тебе не отдам, — сказал я.

Тут папа всё дедушке и рассказал. И как же мы хохотали, когда дедушка вытаскивал папины шнурки из рыбьих пастей.

— Вот это да! Никто не поверит. А бабка уж это точно! Скажет: «Врёте! Это опять ваши рыбацкие байки-небылицы!» — усмехался он.

— Не поверит — ну и пусть! Зато мы-то знаем, что всё правда, — рассуждал я, и мне было теперь очень весело идти впереди всех и нести в дедушкином сачке наш общий улов. А что? Права бабушка: Бог дал — Бог взял. А потом опять дал!

ПРО ГРИБОЧКИ

Бледная поганочка,
Тоненькая ножка,
Белая панамочка,
Юбочка-гармошка...
Встала около пенька:
Поджидает грибника.
– Ах! Взгляните на меня!
Не пройдите!
Ах! Найдите меня!
Ах! Возьмите! –
А грибок боровичок
В серой кепке набочок
В мох зарылся,
Затаился –
И молчок!
– Авось мимо пройдут,
Не нашарят.
Не сорвут,
Не унесут,
Не зажарят!

МУХОМОР

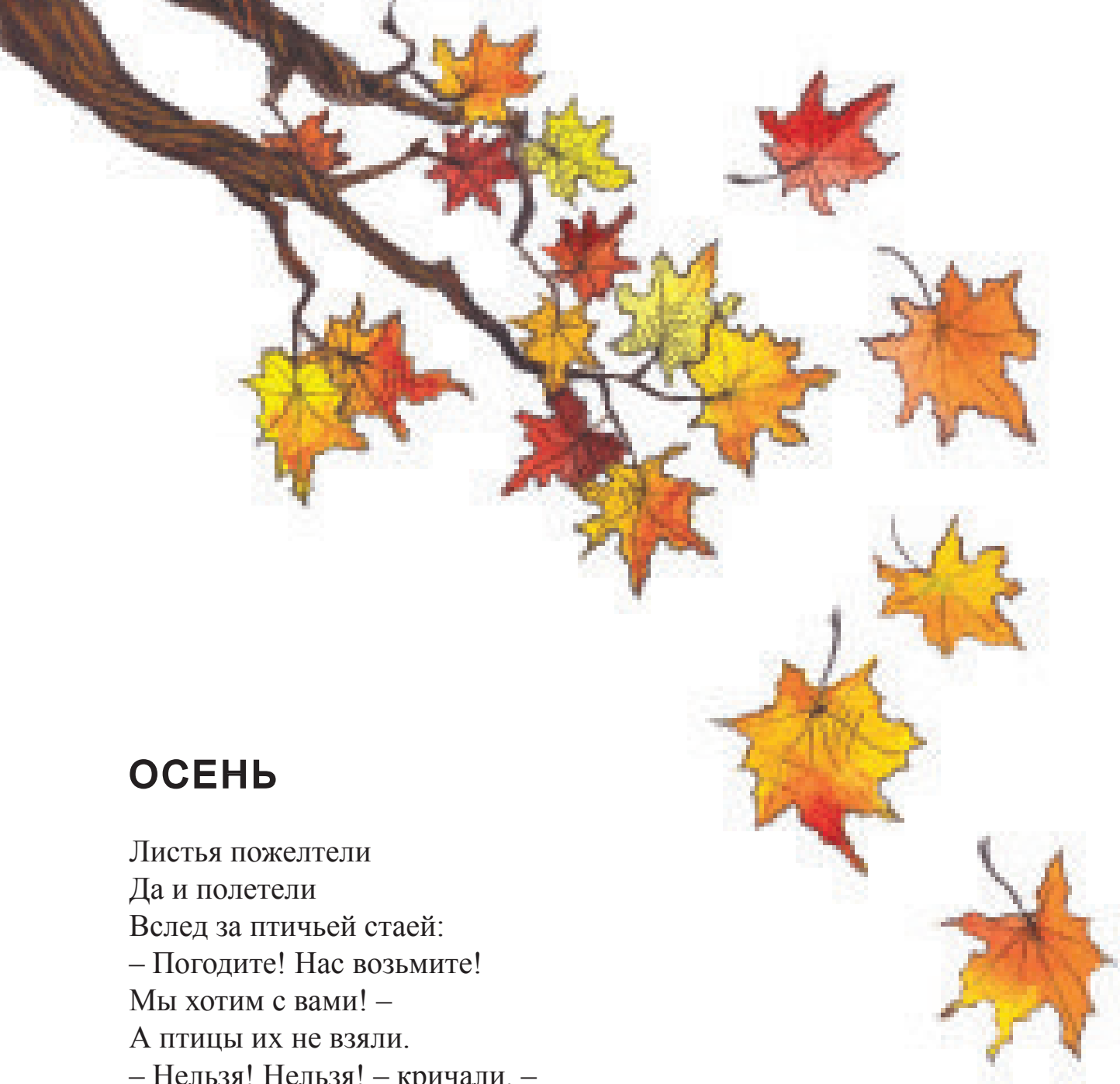

Мухомор и стар и сед,
Мухомору много лет.
Шляпа в дырах и прорехах,
А другой у деда нет.
Если солнце ярко светит,
Нет спасенья от жары,
Ночью в дыры дует ветер
И кусают комары.
И кузнечики в печали
Головами покачали:
– Что тут слёзы лить без толку?
Быстро за починку!
Мы в сосновую иголку
Вденем паутинку.
С горем справимся твоим,
Будет всё в порядке:
Лист кленовый раскроим
И нашъём заплатки. –
Целый день у речки
Работали кузнечики.
Постарались, крепко сшили –
Постирали, посушили.
Вот и всё готово:
Шляпа лучше новой.
Остались только точки –
От ниток узелочки.

ПОД ЗОНТОМ

Тук, тук, тук!
Тон, тон, тон!
Я гуляю под зонтом.
Дождь в мою
Стучится крышу,
А я в домике сухом.

ОСЕНЬ

Листья пожелтели
Да и полетели
Вслед за птичьей стаей:
– Погодите! Нас возьмите!
Мы хотим с вами! –
А птицы их не взяли.
– Нельзя! Нельзя! – кричали. –
Вы не долетите! Вы пропадёте!
Вы назад дорогу домой не найдёте! –
Вот листья отстали
И на землю упали.
Лежат в лесу, в аллее,
И дождик их жалеет.

ПОСЛЕДНИЙ ЛИСТ

Жёлтую ладошку
Лист к стеклу прижал,
Подержал немножко
И пропал.

А я догадался:
Это так со мной
Навсегда прощался
Листик золотой.

ЩЕНОК

Как-то сидел я, в окошко глядел.
Гулять не хотел и играть не хотел.
Вдруг вижу – щенок возле наших дверей.
Я к маме бегом:

– Посмотри поскорей! –

А мама в ответ:

– Отойди от окна.

Собака нам в доме совсем не нужна. –

Я к бабушке:

– Бабушка, глянь-ка в окно,

На улице холодно и темно.

Щенок беспризорный один у крыльца,

Ни матери нет у него, ни отца. –

А бабушка машет рукою:

– С собакой не будет покою. –

Я к дедушке:

– Видишь, на улице ночь.

Щенок замерзает и просит помочь.

– Спи, внучек. А он поскулит и уснёт...

Кто-нибудь, может, его и возьмёт. –

И вот наконец-то мой папа пришёл.

– Смотрите, смотрите, кого я нашёл!

Щенок беспризорный дрожал у дверей,

Согрейте его, накормите скорей! –

Теперь у щенка появилась семья:

Бабушка, дедушка, мама и я.

Но он больше всех любит папу –

Ему пожимает он лапу.

СТОРОЖЕВОЙ П↓С

Наш друг четвероногий
Хоть маленький, но строгий.
Он только папу признаёт –
Шутить с ним не моги`!
Он службу верную несёт
У папиной ноги.

МУХТАРКА

Мне очень хотелось собачку. А мама всё не покупала. Почти у всех ребят нашего двора были собаки. У Светки – Лада, такая блестящая, коричневая, будто облизанная. У Геры – овчарка Ральф. Гера на нём зимой катается. Специальную упряжку сделали из крепких ремней. И можно хоть пять санок паровозиком прицепить – Ральфу нипочём: мчится по всему бульвару, встречные прохожие только успевают отскакивать. Даже у пятилетней Женьки есть собачка – Пунька, – пушистая смешная собачонка, у неё чёлка на глаза как лапша свешивается, а когда бежит, то шерсть за ней летит, как ковыль по ветру. Она служить умеет. Встанет на задние лапки и ну кружиться. Женька сахар на нос ей положит, скажет: кушай! И Пунька сразу хоп – подбросит кусочек носом, поймает и съест.

Вот и мне хотелось, чтобы и у меня собака была, чтобы я её гладила, гуляла с ней, кормила, а она бы меня любила, слушалась и охраняла. И всё-всё понимала бы, как маленький человечек. Я у мамы уже и просить устала, а она: «Ты и за собой-то не убираешь, а хочешь собаку заводить». А Толик говорит, что некоторым малявкам вообще доверять собак нельзя.

Это я-то малявка?! Да я уже читать умею! Я скоро в школу пойду.

И вот однажды я нашла в парке лягушку. Она сама на меня напрыгнула, я чуть не заорала от неожиданности. Вообще-то я лягушек не боюсь. Тараканов – тех да, а лягушек и мышек нет. Ну, я взяла лягушку и положила её в карман сарафана. Придерживаю её рукой, а она там ворочается. Прибежала домой и бабушке на стол – плюх! Бабушка так и села:

– С ума посходили! Это ты что выдумала! Убери эту гадость со стола!

А лягушечка моя сидит возле сахарницы и смотрит на бабушку. Бока у неё так и ходят ходуном, а под горлышком что-то дрожит, будто она быстро-быстро глотает.

– Бабуся, – говорю, – ну ты только взгляни, какие у неё красивые глазки! У-у-у ты хорошенькая моя! Будешь моя доченька!

Взяла я лягушку и понесла в свой кукольный уголок. Там у меня на игрушечном диванчике кукла Барби развалилась. Спит! Ну я её из кровати вытащила: выспалась, – дай другим поспать. Бросила эту Барби в кресло, а лягушечку мою уложила в кроватку, накрыла одеяльцем. Спи.

Лягушка сидит, молчит. Потом ка-а-ак прыгнет, даже перевернулась, и стало видно её жёлтое в крапинках брюшко.

– Не хочешь спать, пойдём купаться!

Надела я на неё кукольные трусики и понесла в ванну.

Посадила я её на белое дно и пустила воду. Лягушка дрыг-дрыг лапами, всё норовит из ванны выбраться. А стенки у ванной скользкие – не удерёшь. А тут бабушка с тряпкой.

– Ты что ж это животину-то мучаешь! Ведь это не игрушка! Ну-ка убирайся отсюда! Ишь воды на полу надрызгала, три тут за тобой! Мать придёт, всё про тебя скажу!

Взяла я лягушечку свою – пойдём лучше погуляем!

Сняла я с неё мокрые трусики и надела другие, белые с кружавчиками. Взяла длинную тонкую ленточку и обвязала её под лапками вокруг брюшка крест-накрест.

– Теперь ты у меня будешь как будто собачка! Надо тебе имя дать.

Мне нравилось одно собачье имя – Мухтар. Я его давно для своей будущей собаки облюбовала.

Я вышла с лягушкой во двор и опустила её на землю. Ребята сбежались.

— Лягушка в трусиках! Лягушка в трусиках!

— Вот! Это моя Мухтарка. И не надо мне никакой собаки. Моя Мухтарка умеет все команды выполнять, а ещё она ест с ложечки и запивает из рюмочки. Спит она в кукольной постельке. Я ей платице сошью, штанишки, бабушка ей носочки свяжет, а мама шубку сошьёт.

Женькина Пунька потянулась к Мухтарке носом.

— Мухтар, ко мне! — крикнула я и дёрнула за ленточку. Лягушка дрыгнулась и неловко прыгнула. — Это ещё что, она у меня даже летать может! Вот глядите!

Раскрутила я лягушечку свою над головой, а она летит — лапки в стороны. Потом — шлёп в траву. Я пошевелила её — лягушка глазки открыла, сидит, дышит.

— А ещё она у меня водолаз. Вот спорим, что она в бочке с водой сколько хотите просидит!

Мы побежали к детскому саду. Там возле заднего крыльца — бочка с дождевой водой. Я бросила Мухтарку в бочку и начала считать. Мы досчитали до двадцати, но тут из-за угла вышел дворник дядя Боря и заругался на нас. Все ребята разбежались, а я не успела: лягушку из бочки выматывала. Дядя Боря меня за руку и схватил.

— Что же ты делаешь! А?

А сам за руку так крепко держит и прямо к моему лицу наклонился. Чесноком от него пахнет, и нос большой, толстый. Я так испугалась! А лягушка у меня на верёвочке болтается.

— Ай-яй-яй! Замучила! — покачал головой дядя Боря, глядя на мою Мухтарку.

Замучила? Разве я её мучила? А потом вижу, моей лягушечке совсем плохо, еле шевелится.

– Отпусти её, – стал просить дядя Боря. А сам головой качает: эх, мучители-черти...

Взял он у меня лягушку, на ладонь к себе посадил. Лягушка сидит, дышит, а рука у дяди Бори большая, как совок.

– У тебя пальчики потоньше, попроворней, ты верёвочку-то развяжи.

Ну я развязываю, а она мокрая, никак.

– На-ка, ножичком поддень, только осторожно, лапку не порань! – Потом лягушку на травку отпустил. – Может, отдышится.

И опять вздохнул. И ушёл, ругаясь себе под нос. Помчалась я домой. А во дворе ребята.

И Толик первый подбежал, спрашивает:

– А где лягушка?

– Я её отпустила.

Гулять что-то расхотелось. Я шла домой и думала: а вдруг Толик прав, и мне нельзя доверять собаку?

КОРОЧКА

Я горбушку не доел:
Чёрный хлеб мне надоел.
Бросил корку под скамейку.
Вдруг откуда ни возьмись
С ветки шустрою семейкой
Воробьи слетели вниз.
Стали корочку делить,
Во все стороны тащить.
– Это корочка моя!
– Нет, моя!
– Моя!
– Первый я увидел!
– Я!
– Первый я!
– Нет, я! –
Потолкались,
Повозились,
Подрались –
И помирились...
А когда наелись,
Рядышком уселись,
Обнимают воробьят,
Воробьятам говорят:
– Поглядите, вот чудак,
Хлеб бросает просто так.
Вы же – берегите,
Все крошки подберите,
Будьте умными, птенцы,
Как ваши мамы и отцы.

ВОРОБЕЙ

Снегом запорошены,
Заснежены улицы.
В шубах прохожие
Ёжатся, сутулятся.

Бьют валенком о валенок,
Стоят, трамвая ждут.
Вдруг воробьишка маленький
Тут как тут.
И скачком,
И бочком,
Хвостик серенький
Торчком.

Без пальтишка,
Без сапожек,
Пара пёрышек
Да ножек.

Этот храбрый воробей
Всех смелей и веселей!

БЕЛКА

Маленькая белочка,
Ласковый зверёк,
Орешки так доверчиво
С руки моей берёт.

Боюсь вздохнуть,
Боюсь испугнуть:
Махнёт хвостом,
И не вернуть!

ЗАЙЧИК

Я зайчик, я хороший,
Я добрый и смешной.
Капустка и горошек –
Любимый завтрак мой.
Со мной легко поладить,
Достаточно погладить.

КРОЛЬЧОНОК

Я счастливей всех девчонок:
У меня живёт крольчонок!
У него смешные ушки,
Словно бантик на макушке,
А на задних лапочках
Два пушистых тапочка.
Он мой голос узнаёт,
Ко мне на руки идёт!
Я бегу бегом из школы –
Он меня у двери ждёт!

Горстку чёрного горошка
Он насыпал на полу,
Сгрыз у азбуки обложку,
Обглодал у стула ножку,
Сделал лужицу в углу...

Вы не думайте, девчонки,
Что забыла я про вас:
Просто мне с моим крольчоном
Интереснее в сто раз!

КОЗА

— Зачем тебе, коза, рога?
— Зачем-зачем... Бодаться!
А то напьются молока
И ну на мне кататься!
Ну как, скажите, без рогов
Отбиться от озорников?

БЫЧОК

Что, бычок, набычился?
На кого обиделся?
Ну, пойдём, пойдём домой,
Лопухонький ты мой!
Упрямого такого
Ждёт тебя корова,
Очень беспокоится,
Не ест, не пьёт, не доится!

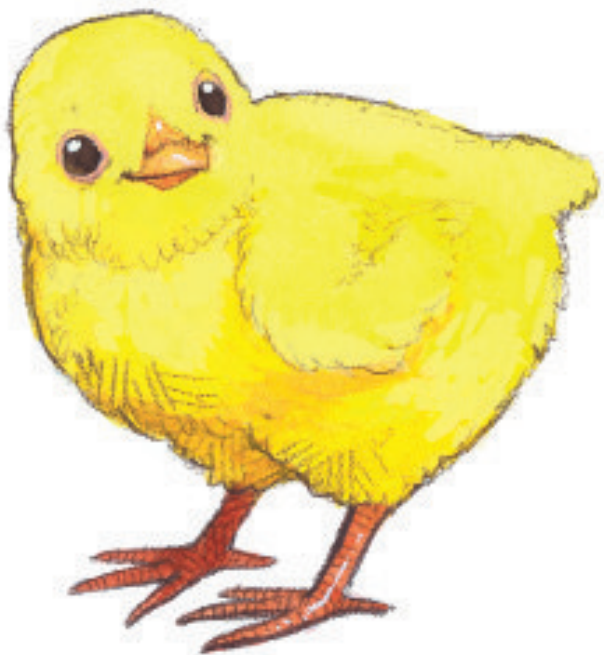
КОТ

Без него нельзя никак
Разобрать портфель бумаг,
Прочитать газету
Эту вот и эту.
На плече у папы,
Подобравши лапы,
Кот не спит, всё щурится,
Труженик и умница.

НАСЕДКА

Сидит в корзинке клушка.
Цыплят сгребла под брюшко,
Словно шалью пуховой
Всех накрыла с головой.
Хорошо, тепло сидеть,
Из-под крылышка глядеть.

mirknig.com

ПЕТУШОК

Мне надоело быть яйцом.
Я захотел и стал птенцом.
И пусть на мне пока пушок,
Я молодец! Я петушок!

СТРЕКОЗА

На руку мне села
Стрекоза,
Близко посмотрела
Мне в глаза.
Я сижу,
Не дышу.
Тоже ей в глаза гляжу.
У стрекозки мудрые
Глазки изумрудные.

СИНИЦА

Я думал, что синица
Синяя птица!
У неё как у орла:
Два огромных крыла.
Оказалось, что синичка
Очень маленькая птичка.
В жёлтенькой жилеточке
Тенькает на веточке.
– СИНЬ! СИНЬ!

↓ЖИК

Плачет ёжик в три ручья:
– Ах, зачем колючий я!
Гадкие колючки!
Из-за них никто меня
Не берёт на ручки.

ТЕЛЕФОНИСТ

Проводов большой моток
За собой паук волок,
Еле-еле ковылял –
Восемь ног переставлял.

От пригорка до пригорка,
От канавы до пруда –
К муравейникам и норкам
Протянул он провода.

И теперь в траве зелёной
Целый день
Со всех сторон
Раздаётся телефонный
Оглушительный трезвон.

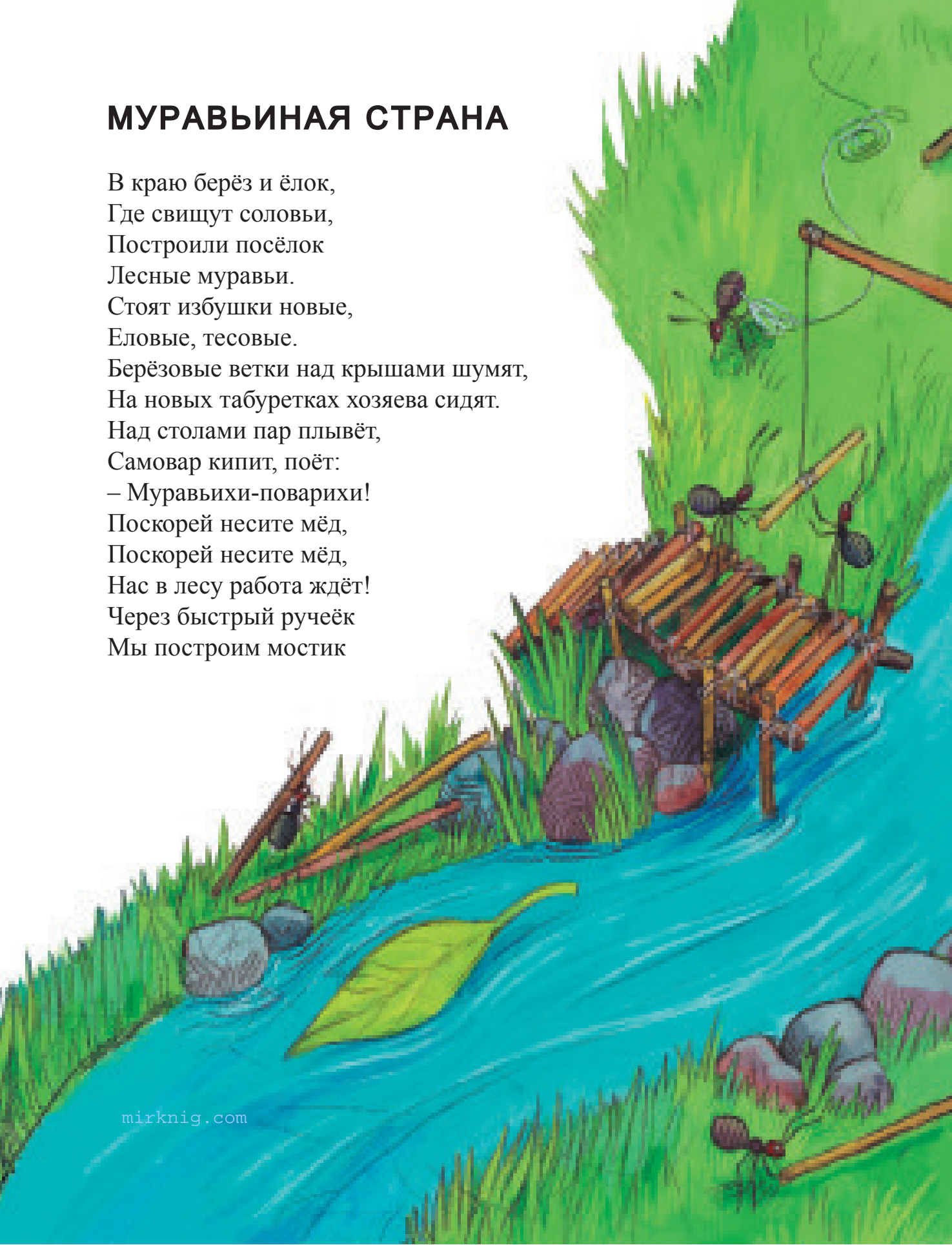
ДЯТЕЛ

Стояли сосны на горе,
Гудели как шмели,
Смола стекала по коре
От веток до земли.
И дятел в этих соснах жил...
Проснувшись поутру,
Упрямо клювом он долбил
Шершавую кору.
Возился, как мастеровой,
Напористо и зло,
Пока не влезет с головой
В глубокое дупло.
И не смолкали треск и звон
В лесу со всех концов,
А к ночи возвращался он
С гостинцем для птенцов.
Удивлена, поражена,
От счастья прыгала жена,
И в благодарность папочке
Тащили дети тапочки.
И загорался огонёк
В том доме, как звезда.
И доносился говорок
Из тихого гнезда.
И засыпали крепким сном
Два маленьких птенца
Под тёплым маминым крылом
И под крылом отца.

МУРАВЬИНАЯ СТРАНА

В краю берёз и ёлок,
Где свищут соловьи,
Построили посёлок
Лесные муравьи.
Стоят избушки новые,
Еловые, тесовые.
Берёзовые ветки над крышами шумят,
На новых табуретках хозяева сидят.
Над столами пар плывёт,
Самовар кипит, поёт:
– Муравьи-поварихи!
Поскорей несите мёд,
Поскорей несите мёд,
Нас в лесу работа ждёт!
Через быстрый ручеёк
Мы построим мостик

И к соседям на чаёк
Будем ездить в гости.
Мы свою работу любим,
Мы строгаем, пилим, рубим. —
Пилы острые свистят,
Щепки в стороны летят.
От опилок всё бело,
Будто снегу намело.
И ложатся ровно
Новенькие брёвна.
Вот последний гвоздь вколочен,
Мост готов — красив и прочен.
Солнце село за горой,
Муравьям пора домой.
Вот они пришли с работы,
Крепко заперли ворота,
Потушили фонари
И уснули до зари.
Наступила тишина.
Вышла круглая луна.
Спит спокойно под луною
Муравьиная страна.

ЧЕМПИОН

Муравей купался в луже,
Всё хотел нырнуть поглубже,
Всё хотел до дна достать,
Чтобы чемпионом стать!

Я сижу на берегу,
Чемпиона стерегу.

Вдруг он сил не рассчитает,
Волны скроют муравья,
И от горя зарыдает
Муравьиная семья.

Ах, не надо слёзы лить,
Муравьишка будет жить!

Нет! Несчастья не случится:
Наготове прутик мой!
Муравьишка возвратится
Жив-здоров к себе домой.

НОЧНЫЕ ТКАЧИ

Вышел месяц из-за горки
И уселся на сосне.
Спят зайчата в тёплой норке,
Улыбаются во сне.

Зажигают светляки
На окошках огоньки,
Пряжу тонкую прядут,
Песни разные поют.

Помогают им ткачихи —
Молодые паучихи.
И сверчки всю ночь не спят:
Для внучат
Штаны строчат.

МЕСЯЦ

Это месяц!
Это месяц надо мной,
С острою бородкой,
С чёлкой золотой.

Что-то,
Что-то хочет
Месяц мне сказать.
Я стараюсь очень
Разгадать.

Молча месяц
К нам в окошко заглянул,
К облаку подкрался
И в него нырнул.

Вечер догорает,
Кончилась игра.
Месяц намекает:
«Спать пора».

СПОКОЙНОЙ НОЧИ

Десять часов – двери на засов!
Все калитки на задвижки.
Спят девчонки и мальчишки.
Все ворота – на крючки.
Бабки спят и старички,
Спят собаки и коты,
Травы спят, и спят цветы.
Баю-баю – я зеваю.
Засыпай скорей и ты.

СОДЕРЖАНИЕ

«Что у Кати на кровати?!»	5
8 Марта.....	6
Мишка	7
Мой папа	8
Арбуз. Рассказ	9
Вечерком с мамой	19
Вовкино приключение	20
Капитан	22
Прогулка.....	24
Мамин день рождения	25
Дорогая вещь. Рассказ	26
Денежка.....	38
Декабрь	39
Горка.....	40
Ёлка	42
Самый лучший праздник.....	43
Ёлка. Рассказ.....	44
Рождество.....	57
Весна	58
Март.....	58
Апрель	59
Здравствуй, лето!	60
Земляника	60
После дождя	61
Гнёздышко	61
На припёке	62
Радуга	63
Деревце	64
Гроза	65
Окуньки. Рассказ	66
Про грибочки.....	77
Мухомор.....	78
Под зонтом.....	79

Осень	80
Последний лист	81
Щенок.....	82
Сторожевой пёс	84
Мухтарка. Рассказ	85
Корочка	91
Воробей	92
Белка.....	93
Зайчик.....	94
Крольчонок	95
Коза.....	96
Бычок.....	97
Кот	98
Наседка.....	99
Петушок	99
Стрекоза	100
Синица.....	101
Ёжик	101
Телефонист	102
Дятел	103
Муравьиная страна	104
Чемпион	106
Ночные ткачи.....	107
Месяц	108
Спокойной ночи	109

УДК 821.161.1-(081)-93
ББК 84(2Рос=Рус)6
Л38

Литературно-художественное издание

Для дошкольного возраста

Серия «ДЛЯ САМЫХ МАЛЕНЬКИХ»

ЛЕБЕДЕВА Галина Владимировна

МАМИН ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Стихи и рассказы

Ответственный редактор Н. Н. Родионова

Художественный редактор Е. Р. Соколов

Технический редактор М. В. Гагарина

Корректор Т. С. Дмитриева

Компьютерная вёрстка М. Ю. Ковригина

ISBN 978-5-389-01723-8

© Лебедева Г. В., 2012

© Павлеева А. В., иллюстрации, 2012

© Оформление.

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2012

Machaon®

Подписано в печать 15.03.2012.

Формат 84x108 $\frac{1}{16}$. Бумага офсетная. Гарнитура «Pragmatica».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 11,76.

Доп. тираж 6000 экз. D-AE-6980-02-R. Заказ .

112 с., с ил.

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» —

обладатель товарного знака Machaon

119334, Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4

Тел. (495) 933-76-00, факс (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

Филиал ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» в г. Санкт-Петербурге

196105, Санкт-Петербург, ул. Решетникова, д. 15

Тел. (812) 324-61-49, 388-94-38, 327-04-56, 321-66-58, факс (812) 321-66-60

E-mail: trade@azbooka.spb.ru; atticus@azbooka.spb.ru

ЧП «Издательство «Махаон-Украина»

04073, Киев, Московский проспект, д. 6, 2-й этаж

Тел./факс (044) 490-99-01

e-mail: sale@machaon.kiev.ua

ЧП «Издательство «Махаон»

61070, Харьков, ул. Ак. Проскуры, д. 1

Тел. (057) 315-15-64, 351-25-81

e-mail: machaon@machaon.kharkov.ua

www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами

в ЗАО «ИПК Парето-Принт», г. Тверь

www.pareto-print.ru